

← колдовские МИРЫ →

← →
← →
← →
← →
← →
← →
← →

МАРИНА ЕФИМИНЮК

← →
← →
← →
← →
← →
← →
← →

БЕССТРАШНАЯ

Марина Владимировна Ефиминюк

Бесстрашная

Серия «Колдовские миры»

Серия «Алмерия», книга 1

Серия «Магия Стерв»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18572364

Ефиминюк М. В. Бесстрашная: Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-89058-3

Аннотация

В городе, где тесно переплетаются магия и интриги, неприятности поджидают на каждом шагу, но неунывающая, бойкая газетчица Катарина Войнич ради карьеры готова рискнуть головой. Судьба подбрасывает ей уникальный шанс добиться успеха и написать статью о загадочном ночном курьер-маге. Теперь бесстрашной газетчице придется использовать все таланты, чтобы разгадать тайны своего прошлого, справиться с детскими страхами и наказать виновных в смерти родителей. И еще понять, что чувствует к ней новый знакомый Ян и так ли он прост на самом деле...

Содержание

Пролог	5
I. Газетчица	8
II. Охотники и жертвы	43
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Марина Ефиминюк

Бесстрашная

© Ефиминюк М., 2016

© Оформление. ООО Издательство «Э», 2016

Пролог

Тишину старого кладбища тревожило злое карканье ворон. Птицы примостились на золотой спирали, печально тянувшейся к небу от купола молельни, и с неодобрением следили, как гробовщики из местных раскапывали один из провалившихся могильников.

Дорожки кладбища походили на разбухший кисель, но на глубине земля оставалась промерзшей, словно монолит. Наточенные лопаты с лязгом вгрызались в мерзлоту, и на краю ямы, достававшей могильщикам до пояса, росла гора глинистых комьев.

Насильно убиенных было принято хоронить поближе к молельне, чтобы несчастные души не шарахались по миру, а искали покоя в святилище. Место располагалось в низине, и каждый год, как сходил снег, какая-нибудь могила обязательно проваливалась. Смотрители давно привыкли к весенним переездам мертвяков и даже поджидали сезона, ведь паршивая работенка неплохо оплачивалась родственниками покойников.

Могильщики исподтишка поглядывали на дорого одетого сунима¹, приехавшего на раскопку за полчаса до назначенного срока. Когда работники, схватившись с двух концов, с

¹ Господин.

кряхтением перетащили надгробную плиту и без особенного почтения прислонили к соседнему склепу, то господин вытащил из рукава шелковый платок и принялся вытирать покрытые плесенью черные литеры. Особенно тщательно отчистив имя «*Зои Каминская*», аристократ огляделся, словно ища, куда выбросить грязный платок, а не найдя, скомкал в кулаке, то ли постеснявшись, то ли пожадничав бросить на землю.

Раздался глухой удар о крышку гроба. Копатели заработали слаженнее, надеясь поскорее покончить с жутковатым переселением, получить монеты и выпить за упокой потревоженных душ. Земля фонтаном разлетелась из могилы, заставляя высокородного сунима пятиться назад.

Наконец показалась светлая полированная крышка детского гробика, сохранившаяся во влажной глубине даже за пятнадцать лет. Видимо, на похороны не пожалели денег, и дерево обработали специальным заклятьем против гниения.

Кое-как могильщики вытащили ящик в форме вытянутого шестиугольника, оказавшийся на удивление тяжелым. Аристократ с волнением следил за рабочими, тащившими ношу к телеге. Неожиданно один из могильщиков поскользнулся, зашатался, стараясь вернуть равновесие, но все равно, матюгнувшись, выронил гроб. Ящик рухнул на землю, крышка отлетела, и оттуда на глазах у побледневших свидетелей выкатились речные валуны. Со звоном раскололось о камень белое личико вылетевшей из гроба фарфоровой кук-

лы. Одним уцелевшим глазом бедняжка уставилась в серое небо.

Люди боялись пошевелиться. В пугающем безмолвии старого кладбища громко прокаркала кликуша-ворона, словно насылая проклятья на головы разорителей. Птица не понимала, что ругалась из-за пустого гроба, где никогда не лежала маленькая девочка с красивым именем Зои.

I. Газетчица

Прятаться в шкафу театральной гримерки было паршиво, душно и темно. От костюмов, норовящих соскользнуть с плечиков, несло застарелым потом и лавандовой присыпкой. Сквозь щелку между приоткрытыми створками виднелась тускло озаренная магическими огнями комната. Лампы реагировали на движение, и в отсутствие хозяйки, восходящей звезды Жулиты, тесная комнатка погрузилась в полумрак.

Сидя на круглых шляпных коробках, я прижимала к груди магический гравират² и безуспешно боролась со сном. Глаза слипались, а в голове начинали кричать чужие голоса и мелькать неясные образы.

Наверняка от долгого сидения в неудобной позе мне грозило защемление в спине, но чем не пожертвуешь ради центральной колонки в газетном листе «Уличные хроники»? Даже притаишься в шкафу театральной гримерки, лишь бы найти подтверждение скандальной сплетни о тайном романе Жулиты с королевским посланником в Гнездиче Чеславом Конопкой.

Не совладав с тягучей дремотой, я выпустила из ослабев-

² Гравират – устройство для получения и гравировки неподвижных изображений материальных объектов на слюдяной пластине при помощи магического кристалла.

ших пальцев магический гравират. Хрупкое устройство прокатилось по коленкам, как по горке, и со звоном вывалилось на дощатый пол.

– Да чтоб тебя!

Оставалось молиться, чтобы единственная слюдяная пластина не разбилась. За магическое устройство я отвечала головой, даже расписку с оттиском большого пальца давала, что стану беречь конторское имущество не хуже девичьей чести, а потому ужасно боялась его попортить. Рискованно высунувшись наружу, я потянулась, но лишь мазнула кончиками пальцев по деревянному корпусу. Пришлось вылезти на половину торса. От движения в комнате вспыхнули яркие магические лампы. Отразились в зеркале сверкающие огоньки. Поспешно схватив устройство, я неловко втянулась обратно в шкаф, сдернув с вешалок половину несвежих театральных платьев.

Только огни остыли, как в гримерную комнату вплеснулся коридорный гвалт, и помещение вновь залил яркий свет. Затаившись под ворохом платьев, я прислушалась к голосам и звукам.

– Премного благодарна! – Голос актрисы Жулиты звучал певуче. Наверняка исправляла надорванную хрипотцу, характерную для театральных актрис, магическим амулетом.

– Все подарки позже! – Импресарио пытался избавиться от притких поклонников. – Позже, я сказал!

Сердито шибанула входная дверь, категорично звякнула

щеколда.

– Достали! – процедила Жулита. – Савушка, закрой защелку, а то пролезут, как тараканы!

Через щелку между створками я видела, как она повалилась в кресло и, схватив с гримерного столика веер, принялась обмахивать лицо, лоснившееся от толстого слоя театрального грима.

– Душенька, с каждым днем твой талант все крепчает! Ты была неотразима! Не играла, а жила на сцене! – Рядом со звездой появился типчик в желтом камзоле. – По тебе плачут подмостки столицы!

– Тогда почему они плачут в Алмерии, а я сижу в занюханном Гнездиче?! – рывкнула актерка.

Даже на мой неприятный вкус полного профана, Жулита являлась абсолютной бездарностью, а на сцене кривлялась почище некоторых паяцев в цирках шапито. Да и псевдоним выбрала похожий на собачью кличку.

– Они глупы! Но скоро, душенька, наша жизнь изменится... – глядя на актерку, с раздражением вытаскивавшую шпильки из тугих кудельков на голове, пообещал Савушка.

– Он приводил тех людей на спектакль? – замерев, с надеждой в голосе воскликнула она.

– При-во-дил! – по слогам отчитался Савушка.

– Им понравилось?

– Без сомнений! Гости из столицы выглядели очень довольными! Я уверен, что наш переезд – это просто дело вре-

мени!

Усатая физиономия импресарио, отраженная в кривоואтом гримерном зеркале, расплылась в сытой улыбке. Жестом фокусника он вытащил из кармана для часов сложенную записочку.

– Держи, душенька!

Актерка с жадностью вырвала бумаженцию, развернула и принялась читать.

– Что он пишет? – полюбопытствовал усатик.

– Что его друг замолвит за меня словечко перед директором Алмерийского театра! – Со счастливым видом прижала письмо к груди и мечтательно улыбнулась: – Я буду выступать на большой сцене!

– Я же говорил, что нужные связи нас до столицы доведут! – довольно протянул Савушка.

– Давай же, зови его! – приказала актерка и принялась с азартом обмахиваться пуховкой, но не успел импресарио дойти до двери, как прозвучало: – Постой! Дай мне розовые благовония, я взопрела на сцене, как доярка!

– А где же они, душенька? – растерялся Савушка.

– В шкафу...

В моем шкафу?! Предчувствуя полное крушение надежд на хорошую колонку, я испуганно выпрямилась.

Савушка подошел, желтый камзол заполнил щелку между дверцами. Тут створки стали раскрываться, и у меня на лице расцвела наиглупейшая улыбка, ведь с серьезным лицом

поздороваться из одежного шкафа смогла бы разве что последняя идиотка или прожженная аферистка, а я ни той, ни другой себя не считала.

– Ах, вот же они! – неожиданно воскликнула актерка. Избежав разоблачения, я неслышно перевела дыхание.

Пока импресарио зазывал любовника подопечной, та поспешно прихорашивалась, покрыла губы алой помазулей, почмокала губами. Наконец раздался скрип открываемой двери, и в тесной гримерке прогрехотал бас:

– Ты была невероятна!

В поле зрения появился Чеслав Конопка, королевский посол в Гнездиче, и я возликовала от счастья. Меня никогда не подводило чутье настоящей газетчицы!

Поговаривали, что в провинцию из столицы его отправили за какую-то нелицеприятную историю, сильно досадившую Его Величеству.

– Чеслав, как вы уговорили их прийти на премьеру? – грудным голосом воскликнула Жулита.

– Я не уговаривал, моя нима³. Слава о вас давно достигла столичных гостиных!

Посол взял маленькую ручку актерки и, прикрыв глаза, страстно прижался губами к ладошке. Через секунду, к моему абсолютному восторгу, он сдернул девицу с кресла и сжал в страстных объятиях.

– Стойте же, безумец! – слабо отмахивалась она. – За-

³ Госпожа.

кройте дверь! Вдруг кто-нибудь войдет?

– Наплевать! Пусть все знают, что я пылаю к вам чувствами! – запальчиво заявил посол, но меж тем даму из рук выпустил и дверь закрыл на щеколду.

В страстном порыве, голодный до женской ласки, он опрокинул любовницу на золотистую козетку. Мелькнув туфельками, Жулита повалилась на подушки, и до меня донеслись чмоки, охи и невнятное бормотание гудящим посольским басом.

Найти удачный ракурс через щелку между дверными створками у меня никак не получалось. Ведь переплетенные ноги любовников совершенно не тянули на центральную колонку, а только на нагоняй от шефа – за испорченную слюдяную пластину. Прикусив губу, я осторожно приоткрыла дверцы, отозвавшись неожиданным скрипом. Охваченная страстью парочка не заметила подозрительной активности, а мне удалось высунуться настолько, чтобы разглядеть картину прелюбодеяния во всех смущающих деталях и мазках.

Шефу должно было понравиться!

Мысленно потирая руки в предчувствии премии, я сняла с объектива гравирата крышку. Раздался тихий щелчок, и объятия любовников навсегда запечатлелись на слюдяной пластинке.

Добыв отличный оттиск, я попыталась залезть обратно в платяное нутро, но неуклюже запуталась в ворохе платьев. Шкаф истерично затрясся, гравират стал ускользать из рук.

Пытаясь его поймать, завернутая в кокон тряпья, как большая гусеница, я вывалилась наружу.

Любовники отпрянули друг от друга, как ошпаренные из ушата коты, и стали поспешно поправлять одежду. Пока я барахталась на полу, освобождаясь от тряпичных пут, Конопка завязывал шнуровку на приспущенных штанах, а Жулита натягивала на плечи платье.

– Добрый вечер! – прокаркала я и резво вскочила на ноги.

– Нима, вы кто такая?! – остолбенел посол.

– Катарина, – для чего-то прояснила я и мгновенно соврала: – Помощница театрального иллюзиониста.

– Но в театре нет иллюзиониста, – ошеломленно пробормотала Жулита с дивана.

– А с кем же я, по-вашему, на чердаке репетировала?

– А почему из шкафа вывалилась?! – взвился посол.

– Так ведь фокус такой! – удивленно развела я руками. –

Меня маг в шкафу на чердаке запер, палкой по дверце поколотил, а вывалилась я уже отсюда. Магическое перемещение в пространстве. Слышали о таком?

Любовники, выказывая завидное единодушие, воззрились на разоренный шкаф с перемятыми шляпами и сорванными с вешалок костюмами.

– Какой еще палкой? – выдавил из себя Чеслав Конопка, видимо, подозревая меня в буйном помешательстве.

– А что, вы знаете много палок? – фальшиво удивилась я.

– Я вообще не знаю палок.

– Так, может, я вам ее принесу?

– Что?

– Волшебную палку, которая из чердака в гримерку перемещает, раз шкаф вы уже видели. Может, вам тоже захочется?

– Переместиться на чердак?

– Зачем на чердак? Из дома прямо сюда. Перемещение без пересадок. – Я прошмыгнула к двери.

– Нима, а разве ж у вас в руках не гравират? – растерянно уточнила актерка.

Смешавшись, я посмотрела на магическое устройство, выдававшее во мне профессиональную охотницу за скандалами, и делано хохотнула:

– Так эта штука гравиратом называется? Надо же...

В следующий момент я рванула щеколду и, выскочив в коридор, пихнула плечом дежурившего под дверьми посольского стража.

– Отберите у нее гравират! – донеслось мне в спину.

Вырвавшись в проулок, я юркнула в нишу, где лежала моя припрятанная сумка, и вжалась в ледяную стену. Стражи высыпали следом, едва не снеся дверь, и с недоумением помедлили.

– Где она? – прогудел один.

– Туда! – предположил другой.

Они пронеслись в шаге от меня, а когда стих топот сапог, я высунулась наружу. Озаренный масляным фонарем про-

улок был пуст. Опасность миновала. Перекинув сумку через плечо, я натянула на стриженные волосы шапку и со стороны стала похожей на худенького мальчишку-школяра в широких штанах.

Путь к омнибусной станции, откуда уходили тяжелые многоместные экипажи, лежал через опустевший по позднему часу рынок. В торговых рядах было тихо и пустынно. Окна лавчонок скрывали ставни, а над притолоками светились магические спирали охранных заклятий.

Обычно я избегала безлюдных мест, неизменно вызывавших настороженность. Мне всегда казалась какая-нибудь бесовщина или грезилась воров. И в этот раз привиделось, будто по деревянной стене соседней лавчонки скользнула человеческая тень. Я резко развернулась и проверила чисто выметенную ночными дворниками улицу. За спиной никого не было...

И в следующий момент кто-то грубо дернул лямку моей сумки. Холстина возмущенно затрещала, торба упала под ноги. Внутри жалобно тренькнул гравират, и в голову пришла несвоевременная мысль, что за разбитое конторское имущество шеф меня четвертует. Если, конечно, от меня что-нибудь останется.

Ловко ускользнув из рук вора, я развернулась и увидела перед собой высокого мужчину, прятавшего лицо под маской. Действуя инстинктивно, я выбросила руку и попыталась сдернуть с противника темный лоскут, но лишь бесполезно

махнула руками, едва не потеряв равновесия. С головы во-
ра спал капюшон, открыв темные волосы и высокий гладкий
лоб.

– Тихо! – приказал он и вдруг до боли вцепился в мои
запястья, развернул меня в немыслимом па и прижал спиной
к своей груди. Мы замерли.

– Эй, послушай... – прошептала я. У меня сбилось дыха-
ние, как безумное, барабанило сердце.

– Тш-ш.

– Ты делаешь мне больно...

– Не шевелись.

Вор насильно заставил выставить руку и разжать стисну-
тые в кулак побелевшие пальцы. В сумеречном свете рыноч-
ных фонарей тускло блеснуло лезвие ножа. Острая кром-
ка вгрызлась в ладонь, из пореза густо выступила кровь. От
страха грудь стянуло огненным обручем, дыхание перехва-
тило, и наполненная моей кровью склянка причудливым об-
разом раздвоилась перед глазами.

Видимо, почувствовав, что я обмякла, противник ослабил
хватку и прошептал мне на ухо:

– Больше не поступай так безрассудно. Не дерись, а беги. –
От вкрадчивого голоса, приглушенного маской, становилось
жутковато. – Не стоит выставлять себя бесстрашной, иначе
в следующий раз ты можешь погибнуть...

Он неожиданно раскрыл объятия, и, оставшись без опо-
ры, я рухнула на брусчатку. Вор исчез, бесшумно и незамет-

но, так же как появился. Кое-как дотянувшись до отброшенной сумки, дрожащими руками я нащупала среди ненужных мелочей флакон с успокоительным снадобьем. Опрокинув в себя половину горькой, как жженка, настойки, я свернулась клубочком, уткнулась лбом в колени и принялась считать секунды.

Одна, две, три...

Из груди вырвался жалобный всхлип. Со злостью я сжала зубы, не давая себе расплакаться.

В стражем пределе царил влажный холод. Посреди зала стоял очаг с тлеющими углями, но тепла от него шло мало. Зато в отличие от обогрева на освещении стражи явно не экономили. С потолка лился яркий свет от магических кристаллов, впрочем, совершенно не мешавший храпеть пьянчуге на полу большой камеры-клетки.

Поглядывая на меня с плохо скрываемым раздражением, издерганный дознаватель разгладил деревянной линейкой желтоватый лист писчей бумаги, вытащил из пера волосинку и обмакнул его в чернильницу.

– Имя? – резковато произнес он, приготовившись записывать показания.

– Катарина Войнич.

– Что у вас стряслось, нима Войнич?

– У меня ничего не стряслось, на меня напал вор, – спокойно поправила я, чем заработала еще более раздосадован-

ный взгляд.

– У вас что-то украли?

– Кровь.

– А?

– Да. – Я продемонстрировала ладонь, перемотанную запятнанным бурыми разводами носовым платком. – Он на меня напал, порезал и взял кровь.

Перо замерло над листом. На кончике собралась крупная чернильная капля и, сорвавшись, темной кляксой впиталась в шероховатую бумагу.

– Всего-то?

– По-вашему, это недостаточная причина, чтобы написать жалобу в стражий предел?

– Ну... он же вас не до смерти зарезал.

– А зарезать можно как-то по-другому? – вырвалось у меня. – Если бы он меня убил, я бы не сидела пред вами! Логично? Можете приписать, что меня еще избили! Посмотрите вон – все руки в синяках!

Подняв рукава куртки, я продемонстрировала запястья с темными следами от чужих пальцев.

В этот момент женщина по соседству, взывавшая к сочувствию молоденького стража, вдруг вцепилась себе в волосы и завывала в голос. Она что-то причитала на диалекте алмерийских равнин, и бедняга, очевидно, незнакомый с восточным наречием, в панике закрутил головой, точно выискивая в приемной зале переводчика. Паникующий взгляд остано-

вился на мне, и я быстренько покачала головой, давая понять, что в диалектах ни бе ни ме ни кукареку. Не найдя другого выхода, он протянул дамочке носовой платочек с трогательно вышитыми незабудками, куда та немедленно со смаком высморкалась.

Я переглянулась со своим хмурым дознавателем.

– Вы можете описать вора? – продолжил он более миролюбиво. Видимо, оценил, что ему досталась дамочка с крепкой нервической системой, по крайней мере, не лившая слезы.

– Он был высок, одет в черное и скрывал лицо под маской.

– Хорошо, так и запишем... – Перо шустро побежало по листу, выводя неровные каракули. – Жертва не успела разглядеть преступника.

– Что значит не успела? – возмутилась я. – Когда мы подрались...

– Вы подрались? – поперхнулся дознаватель.

– По-вашему, мне следовало протянуть ему руку и разрешить порезать себя без боя? У него спал с головы капюшон...

– И? – Страж, кажется, стал проявлять интерес.

– Я точно знаю, что он брюнет с темными глазами без каких-либо родимых пятен на лбу.

– Ясно. – Служитель порядка принялся что-то строчить с видом лекаря, поставившего больному диагноз – сумасшествие.

С тоской я огляделась вокруг, в душе посочувствовала рыдающей нима. Интересно, ей тоже заявили, что только смерть – достаточный повод для обращения в стражий предел?

И тут взгляд остановился на щите с гравюрами разыскиваемых преступников. В окружении неприятных физиономий висело размытое черно-белое изображение моего рыночного вора. Судя по всему, объектив чужого гравирата настиг его совершенно случайно, мужчина стоял вполоборота, и лица было не разобрать.

Вскочив со стула, я стремительно пересекла приемную и сорвала со щита изображение. Кажется, при этом весь зал замер от изумления.

– Нима, вы зачем безобразничаете?! – рявкнул сердитый дознаватель.

– Вот он! – Я шлепнула портрет прямо на исписанный детскими каракулями лист. – Человек, который напал на меня. Это он!

В лице стража промелькнула глухая ненависть. Прикрыв на секунду глаза, он вздохнул и пробормотал себе под нос:

– Откуда ж ты такая глазастая взялась, нима?

– Простите? – изумилась я, не понимая, чем опять не угодила придирчивому блюстителю порядка, если избавила нас обоих от долгих объяснений.

– Вызывайте дознавателя Новака из центрального предела! – последовал приказ.

– Кого?

Через час, замерзнув, как цуцик, в мрачной комнате для допросов, я искренне сожалела о собственном отличном зрении. Время перевалило за полночь, ко мне никто не шел, и складывалось подленькое ощущение, что обо мне забыли.

Рука, вначале болевшая просто невыносимо, совсем успокоилась, как будто ладонь не порезали, а слегка поцарапали. Я сжала и разжала кулак, присмотрелась к окровавленному платку, скрывавшему рану, а потом из любопытства осторожно отодвинула ткань, приготовившись к душераздирающему зрелищу. Вместо глубокой раны перепачканную ладонь пересекал тонкий, аккуратный шрам, напоминавший розовую ниточку.

– Нима Войнич? – раздался из дверей тихий мужской голос.

Шокированная неожиданным излечением, я даже не сразу поняла, что ко мне кто-то обращался. За стол уселся заspanный тип с тонкой сеточкой на грязных волосах. Раскладывая бумаги, он широко зевнул в кулак.

– Извините, у вас... – Я показала пальцем себе на макушку.

Смутившись, страж сдернул сеточку с головы и спрятал в карман замусоленного плаща.

– Я Амадеус Новак, дознаватель центрального стражъего предела, – поспешно представился типчик и протянул именную карточку с королевским гербом в уголке. – Вы утвер-

ждаете, что на вас напал ночной посыльный?

– Кто? – переспросила я.

Указательным пальцем Амадеус придвинул уже знакомую гравюру высокого мужчины в черных одеждах. Невольно бросилось в глаза, что руку дознавателя украшал золотой перстень с прозрачным камнем, стало ясно, что страж был не настолько прост, насколько пытался казаться.

Растерянность, суетливость и даже небрежность являлись частью образа, призванного одурачить окружающих. В королевстве не каждый дознаватель получал разрешение на амулет, распознающий ложь, случайно такие магические артефакты не вручали. Я узнала о таких магических поощрениях полгода назад, когда писала колонку про служителей порядка.

– Ночной посыльный, – повторил Новак. – Вор, которого мы пытаемся поймать не первый год, но он неуловим и ловок.

Мы встретились с дознавателем глазами.

– Личная информация, чужие секреты, магические артефакты – любой каприз за деньги клиента. – Голос у собеседника звучал тихо, вкрадчиво. – Никаких моральных принципов. Никто не видел его лица, не знает возраста. Мы даже не можем выяснить настоящего имени. Он похож на призрак.

Не призрак – думалось мне, идеальный хищник, умеющий предугадывать каждое следующее движение противника, легко уходящий от удара. Продуманный и осторожный.

Даже ранил – заговоренным ножом, чтобы не осталось следов и доказательств нападения, только пустые слова.

– Он напал на меня на рынке, порезал и взял кровь, только вот...

– Только что?

Я быстро сняла повязку и продемонстрировала зажившую ладонь с черными полосками грязи по линиям судьбы.

– Ничего не осталось.

– Вы разглядели вора? – Амадеус не выглядел удивленным.

– Брюнет, высок, одет в черное. И знаете...

Перед мысленным взором вновь появились темные бездонные глаза, силуэт носа и рта, спрятанные под черной маской.

– Мне показалось, что он не стар. Точно не старше тридцати лет. – Я помолчала. – Выходит, я стала его следующим заказом? Почему?

Амадеус пожал плечами.

– В голову приходит только одно объяснение. Если вы остались живы, то, вероятно, он просто разыскивает кого-то по заказу клиента. С помощью крови и специальных кристаллов маги определяют родство между людьми. Подумайте, нима Войнич, вас кто-нибудь может разыскивать?

– Нет.

Я быстро покосилась на амулет дознавателя. Камень оставался кристально чистым. Что ж, я и не солгала – просто от-

казалась верить. Не могли же меня искать *те* люди, мои настоящие родители, пятнадцать лет назад выбросившие в мусорную яму немую дочь?

Мне было страшно до онемения. Накрытая грязным пледом, я прижимала к подбородку острые коленки и кусала губы, чтобы сдержать всхлипы. Безликая женщина усадила меня в мусорную яму, накрыла полуистлевшей тряпкой и велела молчать. Иначе меня, маленькую испуганную девочку, найдет чудовище.

Оно рыскало рядом. Я различала его тяжелые шаги и, кажется, даже дыхание. Оно приближалось. Чтобы сдержать ужас, я до боли прикусила ладонь. Чем громче звучали шаги, тем сильнее сжимались мои зубы. Боль отрезвляла, даже чуточку отпугивала животный страх, охватывающий меня от макушки до босых ступней.

Чудовище остановилось совсем рядом! Я съежилась, задержала дыхание... и вдруг с моей головы сняли замусоленный покров.

– Не убивай меня, пожалуйста, – желая превратиться в крошечную мушку и улететь подальше, пробормотала я. – Пожалуйста, не делай мне больно...

Молчание. Медленно я подняла голову. Сверху вниз на меня смотрел человек с лицом, скрытым маской.

– Попалась, маленькая нима?

С криком я уселась на кровати и, диковато оглядевшись

вокруг, не сразу сообразила, что находилась в собственной безопасной спальне. В воздухе стоял знакомый аромат перечной мяты, за многие годы буквально въевшийся в стены с дешевой тканью. За окном цвело солнечное утро, рассыпались звонкими колокольчиками весенние птицы.

Мир жил, пробуждался от ночной дремы, и не было никакого чудовища, мусорной ямы или вора в черных одеждах. От столкновения с ночным посыльным накануне ночью не осталось ни одного напоминания, только зернистая гравюра, подоткнутая под раму зеркала.

В комнате еще горела лампа, и тусклое сияние растворилось в ярком утреннем свете. Спустив босые ноги на ледяной деревянный пол, я потянулась, чтобы потушить ночник, но заметила, что на столике пульсирует красными всполохами магический вестник⁴, выданный мне в конторе вместе с гравиратом.

Я потерла пересеченную трещиной слюдяную пластину устройства, и кончики пальцев ударило заметным магическим разрядом, словно намекавшим, что отправлявший послание человек находился в страшном раздражении, не сказать гневе.

– Войнич!!! – разрезал тишину спальни визгливый вопль шефа «Уличных хроник», и в голове, словно живая, про-

⁴ Магический вестник – портативное устройство со встроенным магическим кристаллом для получения коротких голосовых сообщений. Устройство работает в одностороннем порядке. Напоминает деревянный ящичек с прозрачной крышкой из слюдяной пластины.

мелькнула картинка плюющего от гнева потрепанного жизнью редактора. – Как ты думаешь, какой новостью сегодня заполнятся все щиты города? Правильно! Новость о романе Жулиты и Чеслава Конопки, и только мы расскажем о королевской цветочной ярмарке! А знаешь почему?..

Как газетчики прознали про *мою* новость, если я сама только вчера впервые сумела застукать голубков за известным занятием?!

Под вопли возмущенного шефа я соскочила с кровати и принялась спешно собираться, мысленно представляя толпу газетчиков, штурмующих особняк актрисы... а я – не в гуще событий!

Сжимая под мышкой позвякивающую магическими устройствами торбу, я выскочила из спальни и пронеслась мимо кухни, представлявшей собой островок мирового спокойствия. За кухонным столом с выскобленной столешницей, читая манускрипт по мужским болезням, вкушал утренний кофе отец. При виде меня родитель изогнул брови и протянул крошечную фарфоровую чашечку:

– Завтрак?

Он являлся счастливым обладателем богатого телосложения и огромных ручищ, больше подходивших костолому, нежели потомственному травнику, а потому хрупкую кружечку держал двумя пальцами, кокетливо оттопыривая мизинец.

Не долго думая, я бросилась к чашке, одним глотком

опрокинула в себя горький напиток и обтерла рукой губы. От таких манер моего бывшего учителя этикета из Института благородных девиц, наверное, хватил бы удар. Вот бы мне получился подарок!

– Все! – Я чмокнула отца в густо надушенную благовонием щеку. – Опаздываю!

– Дорогая, – сдержанно произнес папа, – я, конечно, не берусь утверждать, но мне кажется, ты кое-что забыла.

– Что? – Я помедлила и для порядка потрясла сумкой, проверяя, на месте ли гравират. – Вроде все взяла.

– Ты забыла надеть штаны.

Опешив, я осторожно опустила голову и с изумлением обнаружила голые ноги, жалко, словно в стакане, торчащие из широких голенищ кожаных сапог.

– Эм?

– Да... – кивнул родитель и подлил себе густого напитка из высокого медного кофейника.

Наверное, если бы отец не держал аптекарскую лавку на первом этаже нашего особняка, виновницу неистребимого запаха лекарственных снадобий, то точно бы открыл собственную едальню, где подавал обожаемый им кенерийский кофей и засахаренные цукаты. Тогда, возможно, моя одежда пахла бы густым терпким ароматом кофейных зерен, а не бальзамом «Тысяча и одна трава».

– Пожалуй, натяну порты, – пробормотала я.

– Было бы неплохо, – согласился он.

С независимым видом я попыталась повесить на плечо сумку и едва успела ее поймать, ловко подставив коленки, ведь после вчерашней встречи с вором ляжка была порвана.

– И возьму другую сумку.

Сдув падающую на глаза челку, я горделиво прошлепала обратно в спальню, где резво натянула узкие кожаные штаны, побросала вещи из одной матерчатой сумки – в другую и выскочила в коридор. Оценив мой облагороженный портками вид, отец почесал густую бороду и заметил:

– В штанах ты выглядишь приличнее, чем без них.

– Благодарю.

Не заботясь о том, что нимамам надлежало ходить медленно, высоко задрав подбородок и выпрямив спину, я пронеслась по Кривому переулку и едва не пропустила нужный омнибус⁵.

Актерка Жулита жила на Королевском холме, где находились резиденции гнездинской знати, и путь к ее дому лежал по выложенной гладкой брусчаткой дороге, круто поднимавшейся в горку. Пока я добралась до нужной улицы, нешуточно выдохлась. В боку закололо, а рубаха на спине – взмокла.

Особняк с изящным крыльцом и черепичной крышей осаждала разномастная толпа газетчиков. Если бы на воротах не стояли угрюмые стражи, то наверняка охотники за сплетнями давно бы стучались в узкие окна с белыми рамами и

⁵ Омнибус – конная общественная карета с платными метами для пассажиров и регулярным маршрутом, в том числе междугородним.

сбивали с подоконников пустые цветочные ящики, по всей видимости, буйно цветшие летом.

– Откуда ж вас столько набежало-то? – Я с тоской огляделась вокруг. Складывалось ощущение, что коллеги по газетному цеху приготовились к долгой осаде.

Особняк выглядел неживым. Оставалось разве что вернуться ночью, когда в комнатах зажгут магические лампы, и попытаться сделать пару гравюрных оттисков в озаренных окнах. Я на глазок оценила высоту забора с острыми пиками на вершинах прутьев, и желание перелезть на территорию особняка под покровом темноты мигом пошло на убыль. Очень не хотелось насадить саму себя на кованое жало.

– Нима Войнич, что-то ты сегодня припозднилась, – отвлек меня от размышлений гнусавенький голос Пиотра Кравчика, газетчика из «Вестей Гнездича».

С елеинной улыбкой на устах я повернулась к худосочному типу с изъеденным оспой лицом.

– Суним Кравчик, давно не виделись.

И не видеть бы тебя еще столько же, змеюка подколодная!

За его плечом маячил помощник, мальчишка лет семнадцати с гравиратором на плече. Пиотра я не любила даже не за самомнение и не за личные карточки с гербом «Вестей Гнездича» на лицевой стороне, а за личного школяра.

– Вот скажи, Катарина, – обнажая потемневшие от жевательного табака зубы, улыбнулся Пиотр, – как ты выживаешь

в нашем ремесле, если все время оказываешься последней? Хочешь совершенно бесплатный совет?

– Суним Кравчик, вы обычно столько советов даете... Не бойтесь, что придется подвинуться на тепленьком местечке, если ими кто-нибудь воспользуется? – недвусмысленно намекнула я, чтобы он закрыл рот.

Пиотр действительно закрыл рот, да так, что щелкнули зубы.

– Снимай окна, и поехали отсюда, – не сводя с меня уничижительного взгляда, рыкнул он помощнику.

– Так мы же только приехали... – слабенько воспротивился тот, и у меня вырвался издевательский смешок. Пиотр злобно зыркнул в сторону мальчишки. Бедняга мгновенно принялся расчехлять гравират с кожаной гармошкой мехов и большим объективом.

– Подвиньтесь, нима Войнич, – с официозом велел Кравчик и махнул рукой. – Вы нам вид загораживаете.

И тут из-за поворота показался закрытый экипаж без опознавательных гербов, запряженный ходкой лошадкой. Заставляя народ расступиться, карета проехала к особняку, и газетчики взбурлили, пытаясь угадать, кто же прятался за кожаными занавесками. Стражи открыли ворота. Неизвестный визитер беспрепятственно въехал во двор.

– Как только выйдет, снимай! – рявкнул Пиотр своему помощнику, когда дверца кареты отворилась.

Пока высокий суним в дорогом плаще спускался с под-

ножки, улица заполнилась щелчками гравиратов. С безразличным видом мужчина повернулся к толпе, и через объектив я разглядела известного на весь город судебного заступника Кастана Стомму, обладателя ледяных серых глаз, породистого лица и старшего брата-мэра.

С разочарованным видом народ принялся чехлить гравираты, ведь печатать портреты Стоммы-младшего решился бы лишь отчаянный смельчак или откровенный кретин. Последний газетный лист, написавший сплетню о его предположительном романе с третьей принцессой Алмерии, оказался втянутым в долгое судебное разбирательство и в итоге с центральных переулков переселился на новостные щиты, стоявшие за городскими стенами.

Пусть «Уличные хроники» печатались на желтой бумаге⁶ да и вывешивались на небольших рыночных площадях, где публика знала грамоту через одного, но гравюра судебного заступника, пускай и самого желанного холостяка Гнездича, точно не стоила последующих тяжб.

– Расходитесь, господа, – громко произнес он притихшей толпе, и некоторые газетчики принялись собирать вещи.

Удовлетворившись произведенным эффектом, Кастан твердой походкой направился к крыльцу, но вдруг помедлил. Снова повернувшись к улице, он обвел нас, газетчиков, дол-

⁶ Развлекательные газетные листы, живущие за счет платных объявлений, ради экономии выпускают на желтой бумаге. Оттуда исходит понятие «желтой прессы», ставшее синонимом недобросовестных газетных листов с грязными сплетнями и небылицами о знаменитостях.

гим взглядом, а потом вдруг уставился прямо на меня. Некоторое время мы разглядывали друг друга с безопасного расстояния, а потом судебный заступник махнул рукой, точно приглашая меня составить ему компанию. Не понимая, чего он хочет, я пару раз хлопнула ресницами.

– Вы! – определенно указал он рукой, затянутой в перчатку. – Шустро идите сюда!

Народ опешил. Впрочем, я тоже и на всякий случай ткнула пальцем себе в грудь, уточняя, не ошибся ли суним Стомма адресом.

– Разве вы приехали не за интервью?

– А?!

Даже на расстоянии мне удалось разглядеть, как брови мужчины недоуменно изогнулись. В моей голове галопом заскакали лихорадочные мысли. Соблазн получить уникальные оттиски был огромным... как и опасения оказаться разоблаченной. Очень живо вспоминалось, с каким непритворным изумлением меня, кубарем вывалившуюся из шкафа, разглядывала полуобнаженная актерка.

– Суним Стомма! Я представляю «Вести Гнездича»! – воспользовавшись моментом, завопил, как бешеный, Пиотр.

– Так вы идете? – с нетерпением в голосе подогнал меня Кастан.

– Надеюсь, суним Кравчик, вы достаточно согрели для меня свое место? – пробормотала я и, толкнув нахально встряввшего конкурента, ринулась к воротам.

Ощущая волну всеобщей ненависти, я прошмыгнула сквозь приоткрытые стражами кованые створки и нагнала судебного заступника.

– Никогда не видел столь застенчивой газетчицы, – буркнул он недовольно.

– Почему вы выбрали меня? – любопытствовала я.

– У вас честные глаза.

Ошалелая от происходящего горничная проводила нас в роскошный будуар, где в компании импресарио Савушки страдала театральная звезда. В комнате тяжело пахло розовым благовонием и старой пудрой. Осторожно отодвигая пальцем закрытые портьеры, усач в желтом камзоле, делавшем его похожим на пузатую канарейку, украдкой подглядывал за толпой на улице.

При нашем появлении Жулита вскрикнула:

– Кастан, спасите мою жизнь!

Она явно переигрывала и выглядела до нелепости больной, но сунима Стомму, похоже, совершенно не волновало поведение клиентов, пока они платили золотые. Он был абсолютно непроницаем к наигранным слезам.

– Слышал, что они прислали письмо с просьбой не приезжать на вечерний спектакль? – Он плеснул из графина в стакан воды и заменил бокал с алкоголем в руках актерки.

– Они посмели дать мне от ворот поворот! – Жулита сделала пару больших глотков, даже не осознав, что пьет простую воду. – Представляете? Им не понравилось, что я

невинно беседовала с поклонником своего таланта в гримерной комнате. Сказали, что это *непристойно!*

Конечно, невинно... Я едва слышно хмыкнула, чем невольно привлекла к себе всеобщее внимание.

– Помощница иллюзиониста? – нахмурилась Жулита.

В комнате наступила настороженная тишина. Я оцепенела.

Актёрка поднялась и приблизилась ко мне. От нее сильно пахло алкоголем.

– Это ведь ты вчера выпала из волшебного шкафа?

Я покосилась на Кастану Стомму. На лице того мелькнуло такое выражение, будто он раз и навсегда решил, что у его знаменитой клиентки от распутства съехала крыша.

– Газетчица Войнич, – не растерялась я и ловким жестом сунула под нос девице личную карточку. – «Уличные хроники». Суним Сто...

– Ты притащил сюда одну из них?! – взвизгнула театральная звезда и указала пальцем в зашторенное окно.

– Вы же хотите вернуться на подмостки? – спокойно уточнил судебный заступник.

Прима переглянулась с импресарио и неуверенно кивнула.

– Нима Войнич – ваш пропуск обратно в театр. Расскажите городу о том, какое ужасное недоразумение произошло вчера вечером, а милая Катарина поможет людям узнать о нем, – предложил Кастан.

Последовала очередная пауза.

– Дорогуша, слова твоего судебного заступника кажутся логичными... – попытался вставить осторожное слово Саваушка и нервическим жестом обтер рот.

– Заткнись ты! – Жулита махнула рукой. – Я думаю!

Она действительно напряженно думала и грызла ноготь.

– Но ведь «Уличные хроники» даже у центральных ворот не вывешивают, – после долгого молчания изрекла актерка.

– Зато на рыночных площадях нас просто обожают, – вставила я, вытаскивая из сумки выдавший виды гравират. – Откройте шторы и поверните кресло к свету.

Импресарио немедленно рванул портьеры, позволяя солнечным лучам ворваться в душное полутемное царство.

– Почему мне эта штука кажется такой знакомой? – проворботала актерка и, плюхнувшись в кресло, приняла образ оболганной невинности...

Когда интервью закончилось, я проверила пластинки с гравировкой на свет. Оттиски получились отличные, четкие, крупные, хоть сейчас вывешивай портреты раскаявшейся Жулиты на новостные щиты. Во время интервью она плакала с такой искренностью, что вызвала бы сочувствие даже у столетнего сухаря.

– «Молнию» и колонку выпустят завтра утром, – объявила я, убирая пластины в деревянный ящик.

Актерка слабо махнула рукой.

– Если вы закончили, то я отвезу вас в контору, – предло-

жил Кастан Стомма.

– Я лучше своим ходом.

Становилось не по себе от мысли, что пронизательный судебный заступник сложил воедино комбинацию из газетчицы с честными глазами, волшебного шкафа и утреннего скандала.

– Я отвезу вас. – Мы на мгновение встретились глазами, и стало ясно, что он действительно хотел бы задать пару неприятных вопросов.

– Ну, раз нам по пути... – вынужденно согласилась я.

У Кастана Стоммы оказалась самая удобная карета, в какой мне приходилось ездить за всю сознательную жизнь, с мягкими кожаными сиденьями и потолком, затянутым натуральной замшей. Она не билась по брусчатке в предсмертных конвульсиях, подобно наемным кебам, а мягко покачивалась на рессорах. Выезжая со двора, я немного отодвинула кожаную занавеску и глянула на газетчиков, провожавших экипаж недобрыми взглядами.

– Катарина Войнич, газетный лист «Уличные хроники», – произнес Кастан, привлекая мое внимание.

– Простите?

Он продемонстрировал мою личную карточку с гербом «Уличных хроник» в уголке, врученную мною Жулите.

– Давно вы в ремесле?

– Около трех лет, – копируя светский тон собеседника, ответила я.

– Чем занимались прежде?

– Училась игре на клавесинах и заграничным языкам в Институте благородных девиц.

– Почему не доучились? – От ледяных глаз судебного заступника, наверное, замерзла бы вода в стакане.

– Видимо, оказалась не столь благородной, как требовали правила, – отозвалась я. – О чем вы хотели поговорить?

Губы Кастана тронула усмешка, едва заметная, как будто только дрогнул уголок губ, но аристократическое лицо немислимым образом приобрело столько мужской привлекательности, что, наверное, у монашки екнуло бы сердце. Не зря за Стоммой-младшим ходила слава сердцееда.

– Могу я называть вас Катарина?

Я кивнула.

– Так вот, Катарина, хочу прояснить одну вещь, чтобы просто понимать, что мы оба верно расцениваем ситуацию.

Изображая живейший интерес, я изогнула брови.

– Завтра утром «Уличные хроники» расскажут слезливую историю о несправедливо оговоренной нине актерке, которая очень хочет вернуться на сцену. Иначе я вас засужу.

– Конечно, никакой самодеятельности, – согласно кивнула я. – Но есть одна проблема.

– Какая же?

– Вдруг суниму Стомме не понравится заголовок?

– Тогда я засужу не только газетный лист, но и вас лично.

– Может, сразу выберем название для колонки? – без иро-

нии предложила я. – А то страх перед судом начисто лишает меня воображения.

В лице Кастана на мгновение мелькнуло странное выражение, а потом он расхохотался. Отворачиваясь, я пробормотала:

– Вот теперь вы меня точно испугали.

В «Жирной утке» набилась толпа народа. За окном стемнело, и помещение, озаренное лишь тусклыми масляными лампами, утопало в полумраке и глубоких тенях. Духота пахла дешевым элем, и с каждым часом, проведенным за длинным добротным столом в компании спиртного, газетчики говорили все громче.

– За завтрашний день! – в очередной раз провозгласил шеф и поднял тяжелую кружку с солодовым напитком. После того как утренний номер «Уличных хроник» с интервью заплаканной Жулиты ушел в печать, контора вздохнула с облегчением. Отчего-то все были уверены, что завтра утром я проснусь знаменитой, а газетный лист заслуженно переместится с рыночных площадей в центральные переулки.

А мне, измотанной бессонной ночью и долгим днем, хотелось просто заснуть. Сидя за общим столом, я подпирала щеку рукой и клевала носом, хотя не сделала ни глотка эля.

– Уйдешь ты теперь от нас, Катарина, – с мрачной решимостью пророчил шеф. – Сбежишь в «Вести Гнездича».

– Куда я денусь, шеф? Не уйду! А если еще помощника

личного дадите, так буду вас до самой отставки мучить, – зевнула я и с тоской оглянулась к большим настенным часам, не представляя, как сбежать хотя бы с затянувшегося веселья.

Со второго этажа, где располагались комнаты для постоя и закрытые трапезные, по деревянной лестнице спустилось несколько человек. Неожиданно среди прочих я узнала Пюотра Кравчика. Наши взгляды встретились, и вдруг на нервическом лице газетчика мелькнула нехорошая ухмылка. Он вышел за дверь, а у меня окончательно отпало желание праздновать. Под благовидным предлогом я сбежала из едальни.

– Не смей завтра опаздывать! – проводил меня полупьянным замечанием шеф.

– Приду тютелька в тютельку!

– Не надо в тютельку! Надо в восемь! – отрезало хмельное руководство.

– Про помощника я серьезно! – на всякий случай напомнила я. Вдруг пообещают?

Небо было беззвездным, а воздух – ледяным. Холодный ветер звенел в маковках фонарных столбов, тревожил худенькие огоньки уличного освещения. Улицы опустели, в будках мерзли ночные постовые. И я бы обязательно добралась до омнибусной станции без приключений, если бы на Горбатом мосту, какой в народе прозвали «мостом самоубийц», не заметила худенькую девушку, с пугающей смелостью

стью забравшуюся на парапет.

В панике я покрутила головой, надеясь позвать кого-нибудь на помощь, но, как назло, вокруг не было ни души. Девушка вытянулась в струнку, расставила руки, словно приготовилась взмахнуть ими, как крыльями. Злой ветер рванул подол платья, обрисовал контуры тела: ноги, талию, грудь.

Внизу плескались черные ледяные воды Вислы.

– Стой!!! – заорала я как чокнутая и сорвалась с места. – Нима, стой где стоишь!!

Тяжело дыша, я подскочила к самоубийце и, к собственному изумлению, узнала актрису Жулиту.

– Нима Жулита! Меня зовут Катарина Войнич, я сегодня с утра к вам приходила с судебным заступником Кастаном-как-его-там-фамилия!

Она не слышала меня, точно в трансе смотрела в беззвездное небо пустыми глазами, не замечала, что стоит на самом краешке парапета. Один неверный шаг – и под ногами разверзнется ледяная Висла с неровным, илистым дном.

Забравшись на каменную ступеньку, я протянула трясущуюся руку.

– Хватайтесь, нима! Отставка из театра – не повод топиться. Знаете, сколько в королевстве театров, где вы еще не выступали? На полжизни хватит...

Злой порыв ветра заставил девушку пошатнуться.

– Держись!

Ловко изогнувшись, я вцепилась в самоубийцу и со всей

силы сдернула с парапета. Вместе мы шибанулись о мостовую. От сильного удара в плече что-то нехорошо хрустнуло, а из глаз посыпались звездочки.

Жулита слабо пошевелилась, потом села. Она диковато огляделась вокруг, точно сомнамбула, заснувший в теплой постели, но неожиданно обнаруживший себя посреди холодной улицы.

– Нима, вы очнулись? – потирая ушибленное плечо, промычала я.

Она пару раз моргнула, видимо, пытаясь собраться с мыслями. Дотронулась до рассеченной брови, с недоумением посмотрела на испачканные кровью пальцы, а потом пролепетала с полубезумным видом:

– Пожалуйста, помогите! Он хочет меня убить!

II. Охотники и жертвы

– Я понимаю, раньше ты домой притаскивала раненых собак... но актерок? – пробормотал отец, наливая успокоительный отвар из ковшика в кружку. Снадобье окрасило стенки посуды темным налетом.

– Я чувствую ответственность за нее... – тихонечко отозвалась я и добавила, не желая вдаваться в подробности: – Кое за что.

Пытаясь проверить, не услышала ли гостя перешептывания, мы одновременно оглянулись к столу, где, понурившись, сидела растрепанная Жулита и куталась в клетчатый плед. Вид известной актрисы, завернутой в одеяло, каким еще вчера вечером отец оборачивал ноги, чтобы от холода не ныли суставы, казался диковатым.

– Бедная девочка, – поцокал языком отец.

Он поставил перед актрисой дымящуюся кружку.

– Выпейте. – Когда Жулита принялась к содержимому, то поспешил уверить: – Это поможет вам расслабиться.

Она с сомнением покосилась в мою сторону, словно спрашивая, стоит ли рисковать здоровьем.

– Расслабиться, а не расслабить, – уточнила я, присаживаясь к столу. – Пахнет не очень, но успокаивает хорошо.

– Снадобья и не должны пахнуть розами, – оскорбленно проворчал папа себе под нос, продолжая наш многолетний

спор на тему неудобоваримых ароматов его настоек.

– Спорное утверждение.

– Спасибо, – отозвалась Жулита, и когда сделала крошечный глоточек, то мы с отцом, без преувеличений, задержали дыхание. – На вкус неплохо.

Из сбивчивого рассказа актрисы нам удалось понять, что она даже мысли не держала о самоубийстве и совершенно не понимала, как оказалась на парашюте. Помнила, что к ней пришел импресарио, а очнулась она уже на мосту, глядя в мое перекошенное от ужаса лицо.

– Я думаю, что это он... – сдавленным голосом произнесла она. – Чеслав Конопка.

– Королевский посол? – шепотом уточнила я, точно высокородный чиновник мог меня услышать и предъявить обвинения в клевете.

Девушка серьезно кивнула:

– Он не оставит меня в живых... после того, как пострадала его драгоценная репутация. – Она судорожно всхлипнула, приложила ладонь ко рту, пытаясь сдержать рыдания.

– Пейте, пейте, Жу... Жулита... – С осторожной улыбкой отец заставил гостью сделать еще один глоточек.

– Да какая Жулита, – махнула она рукой. – Меня зовут Анна Кобыльская. Савушка решил, что моя фамилия не слишком романтичная для актрисы.

– Савушка? – не поняла я.

– Этот подлец, мой импресарио. – Она шмыгнула носом. –

Скорее всего, он уже на полпути к Теурии⁷. Заморочил меня и сбежал.

Невольно мне представилась закрытая почтовая карета и трясущийся среди сонных пассажиров усач в канареечном костюме, без оглядки сбежавший в соседнее королевство.

– Есть кто-нибудь, у кого вы сможете укрыться? – мягко спросил отец. – Родственники, родители?

Девушка тихо покачала головой.

– А судебный заступник? – вдруг сверкнула у меня мысль. – Кастан Стомма! Мне показалось, что вы довольно близки...

– Разве вы не знаете, чей он родственник? – фыркнула Анна-Жулита. – Вы не представляете, какие это страшные люди. Они помогают только друг другу, а от неудобных людей избавляются не задумываясь.

У нее снова задрожали губы.

– Пейте! – в один голос посоветовали мы с отцом, едва ли не насильно заставив отхлебнуть настойку.

– Тогда что вы собираетесь делать? – осторожно спросил отец.

Жулита посмотрела на нас огромными заплаканными глазами, особенно темными и глубокими в блеклом свете почти истлевшего кристалла.

– Разрешите мне укрыться здесь! На время... Я боюсь воз-

⁷ Теурия – равнинная страна, граничащая с Алмерией на западе королевства. Теурию называют страной дождей и беглых каторжников.

вращаться в тот особняк.

Мы с отцом задумчиво переглянулись. Одно дело было спасти самоубийцу, успокоить и спровадить к родственникам в деревню, но совсем другое – спрятать неудачливую любовницу королевского вельможи, замыслившего избавиться от темного пятна на реноме.

Пауза затягивалась. Не придумав ничего получше, папа хитро уклонился от прямого ответа:

– Уже поздно. Давайте спать, а завтра решим, что делать.

Катарина ляжет в комнате для гостей.

– Я? – невольно вырвалось у меня.

Комнатой для гостей он важно называл каморку у лестницы, где обычно оставались его приятели, приезжавшие в Гнездич из столицы и не желавшие тратиться на дорогие постоялые дома.

– Мы же не можем заставить нашу гостью спать на топчане, – с нажимом заметил он.

И этот человек ругал меня за то, что в детстве я таскала домой побитых собак!

– Спасибо, дядюшка! – шмыгнула Анна-Жулита и одарила нас слабой улыбкой, способной растопить даже ледяное сердце, а не только таких простаков, как мы, подбиравших по всему Кривому переулку раненых животных или бесплатно отсыпавших дорожные травяные пилюли нищим старухам.

Каморка находилась как раз над отцовской мастерской, где он хранил снадобья и сушил травы, и запах витал соот-

ветственный. Вместо кровати к стене был придвинут узкий топчан с периной, набитой лежалыми перьями.

Шла середина ночи, а я не сомкнула глаз – вертелась, как окаянная, пытаюсь найти удобную позу, однако то упиралась коленками в ледяную деревянную стену, то роняла с торца твердую, как камень, подушку.

Вдруг показалось, что в тишине заскрипели половицы. Приподнявшись на локтях, я напряженно прислушалась к подозрительным звукам. По ночам в старом особняке наступала первозданная тишина, какая поселяется лишь в местах, измученных за день бесконечной вереницей посетителей, а потому каждый шорох точно бы множился в силе.

Подхватив трещащую от натуги магическую лампу, я выглянула в ледяной коридор. Дом спал.

– Анна, это вы? – позвала я, поднимая над головой ночник. По полу растянулись длинные кривые тени, мгла испуганно съежилась и отхлынула в углы. Кухня и гостиная с остывавшим камином казались тихими и покойными. В комнатах никого не было.

В этот момент лампа пару раз мигнула, а потом погасла. Слепленная, я замерла на месте, пытаюсь привыкнуть к непролазной темноте, и вдруг поняла, что за спиной стоит человек. От страха в голове стало звонко и пусто, в ушах тоненько зазвенело.

Незнакомец не двигался.

– Это ты? – тихо спросила я, почти уверенная, что в соб-

стенном доме столкнулась с тем самым ночным посыльным.

– Ты никогда не слушаешь чужих советов? – раздался мягкий мужской баритон. – Я же просил тебя не быть такой бесст...

Не дослушав, я резко развернулась на пятках. Он стоял гораздо ближе, чем мне представлялось, и был выше, чем мне помнилось по нападению на рынке. Я могла видеть лицо, бледное, с размытыми чертами, провалами глаз, линией рта. Темнота скрывала его лучше любой маски.

Сколько ему было лет?

Мне хотелось дотронуться до него и осознать, что он не призрак, а реальный человек. Сама того не осознавая, я протянула руку, но ночной гость отошел, бесшумно, быстро, только кончиками пальцев успела мазнуть по кожаной куртке. Он был живым, сильным мужчиной. Не привидение и не морок.

– Я знаю, кто ты. – То ли от страха, то ли от волнения у меня перехватывало дыхание. – Почему ты рыщешь по моему дому? Я твое новое задание?

Мне показалось, что он усмехнулся.

– Катарина, ты с кем-то разговариваешь? – прозвучал из спальни хриловатый ото сна голос отца.

Из-под двери прочертилась полоска яркого света. Пробуждение родителя напугало меня больше, чем появление неожиданного визитера. Стоило всего на секунду оглянуться к отцовской спальне, как ночной посыльный испарился. По

лестнице, винтом спускавшейся в аптекарскую лавку, прошелестели быстрые шаги. Я бросилась к перилам, даже перегнулась, но в густых потемках не разглядела неуловимого гостя.

Неприятно заскрипела дверь в отцовскую спальню, и коридор озарился ярким светом свеженького магического кристалла.

– Ты почему не спишь? – Сонный отец щурился в мою сторону. Наряженный в длинную широкую сорочку и со скобоченным ночным колпаком на голове, он походил на привидение сумасшедшего ключника.

– Не могу заснуть, – не покривила я душой.

– Мне показалось, что ты с кем-то говорила, – с подозрением протянул он. – И этот кто-то отвечал мужским голосом.

– В середине-то ночи? – фыркнула я, направляясь к камерке.

– Лампу возьмешь? – вяло предложил отец.

– Свет спать мешает.

– С каких это пор тебе свет спать мешает? – Спросонья отец быстро раздражался.

– Спокойной ночи!

Его ворчание заглушила закрывшаяся дверь в камерку. Улегшись в потемках на твердую перину, я завернулась с головой в стеганое одеяло. Внутри уютного, пахнущего травами кокона царило спокойствие. Тепло навевало сладкую дрему.

Наверное, после столкновения с ночным гостем я должна была испытывать тревогу и прислушиваться к любому звуку, но в противовес здравому смыслу меня, точно невидимой вуалью, окутывало ощущение абсолютной безопасности.

За ночь погода испортилась. Небо заволокло низкими тучами, улицы наполнились злыми сквозняками, и город оцепенел, пытаясь угадать, чего ожидать от весенней непогоды – ледяного дождя или снега.

Кутаясь в душегрейку, быстрым шагом я спустилась из Кривого переулка к людной площади с омнибусной станцией. В разношерстной толпе надрывал горло мальчишка с перекинутыми через локоть листовками.

– Срочная новость! – кричал он, распугивая народ. – Жулита не выдержала позора и прыгнула с моста!

Что?!

Опешив, я ловко выхватила из рук пацаненка совсем свеженькую листовку. Бумага пахла свинцовыми чернилами, на полях темнели следы от пальцев разносчика. Под черно-белым портретом актрисы, запечатленной на сцене, было напечатано предсмертное послание, написанное мелким и таким неразборчивым почерком, будто Жулита едва-едва умела держать в руках перо. В колонке тоже шла суцкая околесица о муках совести и прочей белиберде.

При виде имени Петра Кравчика, автора горячей новости, у меня, кажется, вытянулось лицо. Невольно вспомни-

лись темный зал едадьни, ухмылявшийся газетчик и важные господа, с кем он спускался из закрытых кабинетов. Жулита не врала, когда утверждала, будто от нее пытались избавиться! Убийцы не учли только одного, что кто-то может вмешаться и спасти замороченную колдовством жертву. Они не учли меня!

...Мы в большой беде?

Не долго думая, я развернулась и, снова наплевав, что благородные девицы ходят размеренным шагом, держа спину, бросилась обратно в аптекарскую лавку. Ворвавшись в звякнувшие переливчатым колокольчиком двери, я тут же поняла, что новости о смерти Жулиты уже просочились в царство лекарственных трав. Более того, обсуждаются громкими голосами и с живейшим интересом всей длинной очередью.

С непроницаемым видом, словно похороненная молвой актерка не пряталась в хозяйской гостиной, отец выдвигал ящички у аптекарского стеллажа, прихватывал большими пальцами щепотки сушеных трав и бросал в бумажный рожок. При моем появлении родитель оглянулся через плечо и резюмировал:

– Вернулась?

Народ с любопытством посмотрел в мою сторону.

– Забыла... кое-что, – нашлась я и, прогрохотав каблуками по деревянной лестнице, взлетела на второй этаж.

Бледная, как кипенная простыня, актерка сидела на краешке дивана и невидяще тарасилась в пустоту. На коле-

нях, прикрытых простым коленкоровым платьем, лежала злосчастная листовка.

– Анна, – позвала я.

Она заторможенно повернула голову. От тоски, застывшей в больших темных глазах, на меня снова нахлынуло чувство вины.

– Простите, что не поверила вчера, когда вы говорили...

Неожиданно Жулита вскочила на ноги, и листовка соскользнула на пол.

– Ты обязана мне помочь! – Взгляд у актриски стал полубезумный.

– Конечно, вы можете оставаться здесь, пока не решите, что делать дальше. Шумиха скоро уляжется...

– Я хочу опровержение! Хочу исправить эту чудовищную нелепость! – перебила она меня. – Сегодня же! Они подделали предсмертную записку! Так? Значит, я должна написать своей рукой о том, что жива! Гравират с тобой?

Я неуверенно кивнула.

– Превосходно! Сделай оттиски! Вот так! – Она подошла к окну и встала вполоборота. – Я лучше всего получаюсь в таком ракурсе...

Видя мои колебания, она вдруг разъярилась:

– В конце концов, все началось с тебя! Если бы ты не следила за мной, то я бы сейчас собирала сундуки и переезжала в столицу!

Она указала на меня пальцем, как будто больно ткнула в

совесть.

– Хорошо.

Сдаваясь, я достала из секретера письменные принадлежности.

– Пишите...

«Уличные хроники» занимали несколько стылых комнатшек в полуподвальном помещении и соседствовали с «Вестями Гнездича», занимавшими три верхних этажа, не только уютных, но и исключительно теплых, не требующих специального обогрева. Возможно, среди конкурентов служили неплохие ребята, получше Пиотра-подлеца-Кравчика, но того, что в морозы на их рабочих столах не замерзали чернила, а в коридорах стояли проклятые фикусы, было достаточно для глухой ненависти, сплотивавшей наш разноперый коллектив.

В конторе «Уличных хроник» царил не только влажный холод, с каким не справлялся очаг с тлеющими углями, но и уныние. Шеф сидел за большим обшарпанным столом, заваленным бумагами, и держался за голову. Угрюмое настроение начальства и новости о смерти Жулиты, главной героини утреннего выпуска, явно усугубили коллективное похмелье, ведь обычно сослуживцы праздновали до последнего гуляки, упавшего лицом в тарелку с закусками.

– Явилась! – буркнул шеф в напряженной тишине. – Ты время видела?

– Я с колонкой! – с порога с воодушевлением заявила я, хотя внутренне сжималась от предчувствия, куда именно меня пошлют с новостями о том, что погибшая актерка вовсе не погибла. Наверняка в королевские оранжереи собирать материал о цветочной выставке.

Коллеги оживились, но стоило шефу злобно зыркнуть в их сторону, как они тут же сникли, словно увядающие венчики тюльпанов. Только незнакомый парень, видимо, новенький, прижав к груди сумку, поспешно приподнялся со стула, чтобы поприветствовать меня:

– 3-3-здрасьте!

– Угу, – согласилась я и, мгновенно забывая про него, акkuratно подсунула шефу опровержение Анны Кобыльской.

– Что это?

– Это письмо Жулиты о том, что она жива!

– Ты меня разыгрываешь? – Он взялся за заметку, приблизил к носу, отдалил, потом на ощупь отыскал под завалами бумаг монокль и, прищурив один глаз, принялся изучать.

– Прямо сейчас Жулита, живая и здоровая, прячется в лавке моего отца! Она думает, что ее пытался убить Чеслав Конопка...

У шефа сделалось странное лицо. Он глянул на меня как на безумную:

– Ты только что обвинила королевского посла в убийстве любовницы?

– В попытке, – поправила я и полезла в сумку: – Я даже

оттиски сделала на фоне окна...

– Быстро печатаем «молнию»! – провозгласил шеф, выскакивая из-за стола, и народ выдохнул с облегчением. Началась суматоха, как всегда, когда редакция готовилась выпустить листовку с горяченькой новостью.

И в этот момент в контору с треском раскрылась дверь, и, съехав на приступочке, в рабочий зал ввалился задыхавшийся от бега наш сослуживец, суним полнотелый и невысокий, отчаянно напоминавший надутый шарик.

– Нашли! – Задыхаясь, он согнулся пополам и схватился за, видимо, сильно коловший бок. – Тело Жулиты из реки сетями сейчас доставать будут!

Сослуживцы, точно в одном из дурных спектаклей городского театра, замерли с открытыми ртами и уставились на черного вестника.

– Я с омнибусной станции бежал сказать, что наши соседи уже атакуют причал! – простонал он и ткнул трясущимся пальцем в потолок, намекая на конкурентов из «Вестей Гнездича».

Если бы убийственные взгляды шефа умели протыкать насквозь, то у меня во лбу точно бы появилась дырочка.

– Это не ее тело! – моментально замахала я руками. – Тело Жулиты... В смысле, не тело, а она сама сейчас пьет кофей на втором этаже у меня дома!

Выразительным жестом шеф смял в кулаке испещренный мелкими буквами листок и швырнул мне в лицо, едва успела

поймать.

– К Висле! Делать оттиски трупа, пока в оранжерею тюльпаны описывать не отправил! И еще!

Он оглянулся на скромно сидевшего на краешке стула парня, и тот подскочил, точно под ним распрямилась скрученная пружина.

– Иди сюда!

Новичок, по-прежнему прижимая к груди сумку, кстати сказать, из весьма неплохой выделанной кожи, присеменил к столу.

– Знакомься, Катарина. – Шеф оглядел парня. – Как, ты говоришь, тебя зовут?

– Ян Гуревич.

– Вот! Ян, – согласилось руководство. – Твой помощник.

– Кто? – вытаращилась я.

– Ты же просила помощника. Бери, обучай.

– Его? – округлила я глаза и пробормотала: – Шеф, вы же говорили, что нам скоро жалованье будет нечем выплачивать...

– Зато он еще в должность не вступил, а уже привел клиента с годовым контрактом на целую полосу объявлений...

Я смирила парня долгим взглядом.

– То есть место ты себе купил?

– Ну, почему сразу купил? – пробормотал он смущенно.

Сказать честно, прежде помощник мне представлялся совсем иначе, мальчишкой, способным пролезть в чужую фор-

точку ради хорошего оттиска, и Ян Гуревич никак не вписывался в мои представления о вертлявом школяре. Он был явно старше меня и по росту выше на добрую голову, а во взгляде внимательных карих глаз с длинными, как у девчонки, ресницами скрывалось нечто цепкое, холодное, что никак не вязалось с миловидным, маленьким личиком.

– Гравиратом умеешь пользоваться? – спросила я, отчаянно надеясь, что выгляжу высокомерной или хотя бы важной. Но вообще-то было сложно источать надменность, глядя на помощника снизу вверх.

– Ум-мею, – проблеял он.

– Если вы закончили, то выметайтесь! – ткнул пальцем шеф в сторону выхода и обратился к остальным: – Кто поедет в оранжерею?!

Народ мгновенно принял крайне деятельный вид, стараясь избежать поездки. Конечно, никому не нравилось работать полевым газетчиком.

– Пойдем, – махнула я рукой новоявленному помощнику.

– И чтобы к ночи вернулись с материалом! – прикрикнул шеф нам в спину.

– До-до-до свиданья, – испуганно поклонился Ян, прижимая сумку к груди.

Мы выбрались на улицу. Сверху крапал мелкий дождь, пятная влажными кляксами пешеходную мостовую. С тоской я покосилась на желтоватый газетный лист «Уличных хроник», вывешенный на стене здания.

В самом центре красовалась на загляденье удачная гравюра Жулиты в образе страдающей невинности, и совесть снова кольнула точно игольным острием. Я даже представить себе не могла, что, вывалившись из театрального шкафа, превращу живую популярную актрису в самый знаменитый труп Гнездича.

– Ты мертвецов боишься? – обратилась я к Яну.

– Нет, – немедленно ответил он.

– Тогда тебе снимать. – Вытащенный из сумки гравират немедленно, как живой, выскользнул из заледеневших на холоде рук. Устройство обязательно бы грохнулось на брусчатку, как много раз до того, но оказалось ловко перехваченным Яном. Парень замер на мгновение и быстро глянул на меня, проверяя реакцию на удивительное проворство.

– Неплохо, – хмыкнула я.

– Спасибо, нима Катарина.

– Нет, нет! Просто Катарина. Какие могут быть церемонии между сослуживцами? – Я накинула на голову непромокаемый капор и уже собралась выйти из-под козырька, как опомнилась: – Только не забывай мне говорить «вы». Официоз разводить не стоит, но все-таки я твой шеф и отвечаю за тебя головой. Это ясно?

– Ясно.

Он выглядел таким кротким и послушным, как будто издевался. С подозрением я заглянула в миловидное лицо, но в темных глазах не было и намека на насмешку. Почему их

взгляд мне казался пронизанным колючим холодом?

– Хорошо. – Я решительно направилась по пешеходной мостовой.

– Только, Катарина! – остановил меня оклик. – Причал в противоположной стороне.

Вот ведь ослица! Затормозив, я произнесла самым небрежным тоном, на какой оказалась способна:

– Хотела срезать.

– Тогда пойдем коротким путем, – тут же согласился Ян и глянул в серое тяжелое небо. – А то дождь крепчает.

– Лучше людными улицами, – мгновенно нашлась я, разворачиваясь в нужную сторону. – Центральный район очень беспокойный.

– Здесь же восемь стражских пределов...

Святые Угодники, и откуда ты, умник, прибился в мою спокойную заводь?!

– Вот я и говорю, что район беспокойный. Иначе зачем им столько пределов строить? – фыркнула я и проворчала: – Кстати, почему ты говоришь мне «ты»?

– Простите. – Он убрал закрытый в поцарапанный чехол гравират в суму и перекинул ее через плечо.

Берег Вислы, где спасатели на лодках шупами проверяли дно, облепили неугомонные газетчики и любопытные зеваки. Вдалеке гнул каменную спину Горбатый мост, и на нем толпились зрители, привлеченные поиском известной самоубийцы. У самой кромки воды дежурили хмурые стражи в

форменных плащах.

Подмерзший народ перешептывался – боялся громко разговаривать рядом с утопленницей. Тут же мальчишки-оборванцы, нахохлившиеся на перевернутой лодке, в ожидании страшного улова хрустели мочеными яблоками.

– Она правда сейчас у вас дома? – тихо спросил Ян.

– Угу.

– Тогда зачем мы здесь?

– Хочу доказать шефу, что в реке никого нет.

Через недолгое время в середине реки сетью выловили труп темноволосой женщины. Спасатели перевалили тело через борт, натужно загребли веслами, а на берегу, точно закипевший суп в очаге, вспенились нервные разговоры. Пытаясь очистить пространство, стражи принялись отгонять нахлынувший к воде, словно волна, народ.

Окостенелое тело, опутанное сетями, вывалили на берег, как тук, без всякого уважения к страшной смерти. Утопленница была наряжена в белое платье, словно специально перед смертью надела саван, и длинная юбка задралась, оголяя синеватые коленки. Лицо девицы оказалось настолько обезображенным, что узнать известную актрису, наверное, не смогли бы близкие, если бы они у нее имелись. Однако на запястье с почерневшей сеткой окаменелых вен красовался драгоценный браслет из изумрудов, знакомый даже мне по цветным гравюрам в газетных листах.

Мне показалось, что земля под ногами превратилась в бо-

лотную жижу и меня начинало медленно затягивать в трясину. Страшные люди, как их назвала сама Жулита, защищали себя. Они вовсе не собирались оставлять Анну Кобыльскую, девчонку из провинциального городка, в живых!

Где-то над головой раздался сухой щелчок гравирата, бухнула магическая вспышка. В ушах тоненько зазвенело, к горлу подступила тошнота, а перед глазами померкло. Теряя сознание, я услышала обеспокоенный голос Яна:

– Катарина! Приди в себя!

Но меня уже поглотила темнота.

– Если ты боишься трупов, то зачем поехала к реке? – спросил Ян, когда мы тряслись в наемном экипаже по дороге в контору. Я прикрывала глаза рукой и старалась сосредоточиться на том, как справиться с дурнотой. Но лишь перед мысленным взором возникала бледная рука с изумрудным браслетом, как тошнота становилась невыносимой. Глянув на попутчика из-под ладони, я буркнула:

– Ты мне снова тыкаешь.

– Извините. Зачем вы поехали к реке?

Потому что наивно полагала, будто имею дело с людьми, а не со зверем, способным убить невинного человека только ради того, чтобы подтвердить самоубийство Жулиты...

Казалось, стенки закрытой кареты стали медленно сдвигаться, грозя сдавить меня намертво.

– Остановите! – постучала я, привлекая внимание возни-

цы, и обратилась к Яну, даже не пытавшемуся скрыть удивление: – Ты отвези в контору оттиски. Мне надо проветриться.

Открыв дверь, я спрыгнула с подножки на влажную мостовую. В городе сгущались сумерки. Крапал мелкий дождь, и брусчатка блестела в ярком свете фонарей. Это только на окраинах палили унылые масляные огни, в центре жгли магические кристаллы.

В голове крутилась страшная мысль, что, решив написать разгромную колонку о тайной связи высокого чиновника и беспутной актрисы, я запустила страшную цепь событий, приведшую к смерти человека.

– Осторожно! – Кто-то схватил меня за локоть и ловко отодвинул от прогрохотавшей на расстоянии руки кареты.

Мы находились в тихом узком переулке, где было невозможно разъехаться двум экипажам. Ян смотрел на меня с вежливым любопытством.

– Как я здесь оказалась?

– Ну, вы просто... – Он неопределенно указал рукой вперед. – Шли.

– А ты за мной? – растерянно переспросила я, хотя ответ был очевиден.

– Вы говорили, что здесь опасный район, – неловко пояснил он.

– На самом деле днем я пошла не в ту сторону и соврала, чтобы не выглядеть глупо, – покаялась я.

– Знаю...

Вдруг в его взгляде, обращенном к кому-то за моим плечом, появилось напряжение. Губы сжались.

– Нима Войнич? – прозвучал хриплый голос, и у меня на затылке зашевелились волосы.

Я оглянулась. В нескольких шагах от нас стояли незнакомцы в черных одеждах, и в первый момент на меня напало оцепенение. Но на Яна было и вовсе больно смотреть. Высокий и плечистый, он вдруг трусливо съежился, крепко обнял сумку с гравиратом и даже придвинулся в мою сторону.

Неволью я сделала шаг, пытаясь загородить трусишку от головорезов.

– Вы мне?

Мне бы стоило поскорее сочинять план побега, но, как назло, воображение рисовало исключительно яркие картины того, как нас с Яном вынесут вперед ногами из переулка.

– Вы что-то хотели? – уточнила я, надеясь, что голос звучит нагло, а не испуганно.

– Где она?

– Кто? – вмиг понимая, что здоровяки ищут сбежавшую актеру.

– Где Анна?

Возникла долгая пауза.

– Послушай, Ян, – пробормотала я помощнику. – Я их сейчас отвлеку, а ты беги, зови стражей.

– А как же... – слабенько воспротивился он.

– Ты сам говорил, что тут восемь стражных пределов, беги в ближайший, – едва разжимая губы, велела я и громко спросила у главаря шайки: – Я не расслышала. Как вы сказали? Анна? Но я не знаю никакой Анны...

– Вот ведь, – фыркнул бандит со шрамом, ткнувшись от виска до уголка губы, отчего рот выглядел искривленным, как у злого арлекина.

Незаметно я толкнула Яна, намекая ему, что пора уже делать ноги, но тот стоял фонарным столбом, словно врос в брусчатку.

– Может, если вы назовете фамилию?

– Может, это тебе память освежит? – рыкнул головорез со шрамом. Через секунду, как пушинка, я отлетела к стене и не расшибла лоб только благодаря Яну, стремительно схватившему меня за плечи.

– Послушайте! Вы! Я позову стражу! – для чего-то предупредил он, вместо того чтобы на полных парусах нестись в предел.

Не успел он толком пригрозить, как согнулся пополам от удара в живот. Сумка выпала из рук, звякнул гравират, зазвенели расколотые слюдяные пластины с неизвестной утопленницей, выданной за Жулиту. От очередной оплеухи Ян свернулся бубликом на земле и жалобно застонал. Сверху на беднягу посыпался град пинков.

– Не смейте его бить! – завопила я.

Не успела броситься в гущу драки, как меня схватили за

шкирку.

– Сейчас ты покажешь нам, где прячется Анна Кобыльская, – процедил главарь банды, заставляя меня резко развернуться.

– Она здесь, рядом! В меблированных комнатах! – выкрикнула я в лицо злодея. – Я провожу, только больше не бейте моего помощника! Он ничего не знает!

Последний удар отправил несчастного Яна в мусорный сток.

– Веди. – Меня подтолкнули в спину, заставив по инерции сделать четыре торопливых шага, чтобы не упасть рядом с бессознательным помощником.

Бросив жалостливый взгляд на скрюченного сослуживца, я поплелась вперед, лишь бы отвести голову подальше от парня, которому просто не повезло в неудачное время оказаться рядом со мной. Я шла на ватных ногах, с трудом удерживая равновесие, а главарь шайки подталкивал меня в спину:

– Шевелись, кляча!

– Мне кажется, что мы ходим кругами... – пробормотал кто-то из преступников.

Секундой погодя меня снова швырнули к стене, и от столкновения с каменной кладкой я сползла на ледяную брусчатку. Грудь начинало сдавливать горячим кольцом, а дыхание останавливаться.

Злодей склонился надо мной, рванул за шиворот. Его

смуглая физиономия с кривым сломанным носом и шрамом расплывалась перед глазами.

– Ты решила с нами пошутить, нима? – прошипел он мне в лицо. – Еще не поняла, идиотка, с кем связалась?

Он размахнулся для хлесткой оплеухи, наверняка бы выбившей из меня дух, но неожиданно сам отлетел в сторону, сбитый с ног мощным ударом.

Все, что случилось дальше, словно подернулось туманной дымкой и казалось совершенно нереальным. Высокий мужчина в маске раскидывал моих обидчиков, точно оловянных солдатиков. Он ловко уходил от ударов, предугадывая каждый следующий шаг противников. На него пытались набрасываться кучей, но он бесшумной тенью ускользал от нападения.

Вокруг раздавались крики, звуки борьбы и болезненные стоны избитых разбойников, а я пыталась дышать. Хватала ртом воздух, но обжигающее кольцо, охватившее грудь, сжималось все сильнее, и мне не удавалось сделать ни одного, даже крошечного, глотка воздуха. Трясущимися руками я открыла сумку и принялась искать заветный флакон с успокоительным снадобьем.

Где-то вдалеке прозвучал пронзительный сигнал стражего свистка. Шайка дунула из переулка. Бутылочка, найденная в сумке среди завалов ненужных мелочей, выпала из дрожащих пальцев и покатила по дороге.

Я слепа от нехватки воздуха, из последних сил ощупыва-

ла камни, пытаюсь найти лекарство. Вдруг кто-то мягко вложил флакон мне в ледяную влажную ладонь. Я подняла голову. Рядом на корточках сидел мужчина в черной маске, скрывавшей лицо... ночной посыльный, защитивший меня от убийц.

Он внимательно следил, как без особого успеха я пытаюсь вытащить пробку из узкого горлышка, потом мягко произнес приглушенным маской голосом:

– Давай помогу.

Флакон оказался открытым. Я опрокинула в себя остатки снадобья, и оно прокатилось по сжатому горлу горячим комом. От слабости меня качнуло вперед, и лоб уткнулся в крепкое мужское плечо. Кажется, в первый миг мой защитник опешил от неожиданной близости и замер, вдруг напрягшись всем телом.

– Подожди секунду, – пробормотала я умоляюще.

И он дождался, когда ко мне вернется умение дышать, осторожно сжал мои плечи руками в кожаных перчатках и отстранился.

К тому времени как подбежали стражи, ночной посыльный исчез.

– Нима, с вами все в порядке? – потребовали от меня ответа постовые.

– Да, но мой помощник Ян... – Я подняла голову, пытаюсь сфокусироваться на двоящихся фигурах блюстителей закона. – Он сильно пострадал, и ему нужна помощь.

Голова кружилась, как проклятая, и земля уходила из-под ног, точно палуба попавшего в шторм корабля. Спотыкаясь и держась за стены, я привела постовых к месту, где преступники избивали Яна. В голове представлялось, что вся дорога залита кровью несчастного парня, но чистая брусчатка влажно поблескивала в тусклом свете фонаря.

Видимо, смелости моему новоявленному помощнику хватило только на то, чтобы вызвать мне в помощь постовых и сбежать.

Домой я вернулась затемно в закрытой стражбей карете с решетками на окнах и одной жесткой лавкой. Когда экипаж остановился перед открытыми воротами в аптекарский дворик, то служитель порядка открыл дверь, запертую снаружи на щеколду, и галантно подал мне руку, помогая спуститься с подножки, точно я ехала в наемном экипаже.

– Спасибо, – вымученно улыбнулась я.

– Точно не хочешь написать жалобу, нима?

При воспоминании о кислом лице дознавателя в приемной меня передернуло.

– Нет.

Было поздно. Крапал дождь, казавшийся влажной пылью в потоках фонарного света. Аптекарская лавка уже закрывалась, и на окнах первого этажа висели белые ладные ставенки.

Тут входная дверь распахнулась, огласив тихий двор при-

ветственным треньканьем колокольчика, и под козырьком появился отцовский подручный, дядюшка Кри. Он хотел перевернуть деревянную табличку на слово «Закртыо», но, увидев тюремную карету у ворот, замер с открытым ртом. Дядюшка семь лет просидел в застенке за торговлю галлюциногенными грибами и к стражам относился с большим подозрением. Судя по вытянутой физиономии, он собирался поднять крик.

– Нет-нет! – Я замахала руками. – Дядюшка, не зови отца...

– Бо! – завопил бывший арестант дурным голосом, и даже любезный страж рядом со мной вздрогнул от неожиданности. – Катаринку опять на тюремной каталке привезли!

Отец появился немедленно, заполнил своей пузатой фигурой дверной проем и сложил руки на груди. От неизбежности объяснений я тяжело вздохнула и поклонилась служителям порядка, уже забравшимся на облучок:

– До свиданья, сунимы.

– Будь осторожнее, нима, – проворчал один и дернул поводья, заставляя понурых лошадок тронуться с места.

Я поплелась к дому.

– Ты экономишь на наемном экипаже или опять напали? – полюбопытствовал отец, пропуская меня в лавку.

– Напали.

В аптекарском зале пахло перечной мятой, и в моей голове знакомый аромат стойко ассоциировался с безопасностью

родного дома.

– Говорил я тебе, что газетчиков всегда бьют, – в спину мне проворчал дядюшка Кри, в детстве учивший меня взламывать замки и разбавлять солодовый виски водой. – Надо было головой думать, прежде чем печати на ладонь шлепать.

Невольно я глянула на герб картели газетчиков, похожий на татуировку с расплывшимися контурами. После того как меня со скандалом выставили из Института благородных девиц, я три раза сдавала экзамен, чтобы стать газетчицей, и, когда получила заветную печать, напилась от счастья дешевого эля. Жаль, что тогда мне не пришло в голову сходить к гадалке, чтобы узнать, как сложится служба. Глядишь, посоветовали бы поступить на работу гувернанткой, и неизвестная девушка, выловленная сегодня из Вислы, осталась бы живой.

При воспоминании о безжизненной руке с богатым браслетом из изумрудов, нелепо болтавшимся на синеватом запястье, снова жалобно сжался желудок, и я почувствовала себя по-настоящему больной. К горлу подступила желчь, от лица отхлынули краски, и отец с дядюшкой Кри перепугались.

– Поднимайся скорее наверх.

На втором этаже в гостиной весело горел камин. На очаге пытела кастрюля, и запах поленьев смешивался с ароматом жаркого. Не успела я плюхнуться на диван, как на лестнице раздались тяжелые шаги отца. Он принес закупоренную бу-

тыль с дорогушим бальзамом, который, по его убеждению, помогал излечению ран.

– Я не пострадала, – уверила я, не желая пить ядерное снадобье. – Меня только напугали. Сильно побили моего помощника Яна.

– Тебе дали помощника? – Не обращая внимания на протест, родитель достал крошечные стаканчики из маримского⁸ хрусталя и звучно вытащил из бутылки пробку. Иногда меня раздражала его привычка в любой непонятной ситуации потчевать себя и окружающих пьянящими снадобьями, отзывавшимися не столько оздоровлением, сколько страшной головной болью.

– Знаешь, Ян хоть и высокий, – я подняла руку, стараясь продемонстрировать рост парня, – но ужасно беспомощный. Совершенно не может постоять за себя. Его колотили, а он даже ни разу не ответил, так и дал себя избить, а потом умудрился вызвать постовых.

– А кто тебе помог? – вдруг спросил отец. Видимо, заметил нестыковки в моей интерпретации случившегося.

– Стражи, – соврала я, не желая рассказывать о спасшем меня от разбойников ночном посыльном, и быстро перевела тему: – На нас напали не грабители, те люди искали Анну...

На некоторое время в кухне повисла оглушительная ти-

⁸ Марим – небольшое южное королевство, которое называют страной стеклодувов. Настоящий маримский фарфор, витражи и изделия из стекла ценятся на всем континенте.

шина. Было слышно, как внизу дядюшка Кри подметал пол и двигал стулья, чтобы добраться до дальних уголков торговой залы.

– Я уеду отсюда сегодня ночью, – вдруг раздался ровный, лишенный эмоций голос актретки, и мы с отцом оглянулись. Она стояла посреди гостиной и теребила складки на сером скучном платье, сохранившемся в моем гардеробе со времен учебы в Институте благородных девиц. – Я не могу подвергать вас опасности! – с убежденностью заявила она. – Эти люди уже убили одного человека. Если они узнают, что я прячусь здесь...

Она уже слышала о трупке девушки, выловленном в Висле, что не удивляло. Скандальные сплетни разносились по городу, как простуда, а потому обязательно залетали в аптекарскую лавку, где продавались средства от любых хворей.

– Куда вы сейчас уедете? – задал справедливый вопрос отец. – Вам есть где спрятаться?

Анна сжала кулаки и решительно заявила:

– Не пропаду.

– Давайте сначала найдем вам убежище, – предложил папа, видимо, отчаянно пытаясь придумать толковый план, как всем нам выбраться из рискованной ситуации с минимальными потерями. – Раз эти люди напали на Катарину рядом с конторой, то они пока не знают, где она живет. Они за тобой следили по дороге в лавку?

– Я не заметила слежки...

Вдруг снизу истошно заорал дядюшка:

– К нам кто-то пришел!

Анна побледнела как полотно. Она не догадывалась, что прозвище Кри бывший зэк получил от слова «крикун». Просидев несколько лет в застенке, он стал тугим на одно ухо, а потому орал одинаково страшным голосом и из-за прихода почтальона, и из-за нечаянного пожара в чулане с сушеными травами.

– Спрячьтесь в спальне, – посоветовал отец испуганной нине.

Та бросилась в комнату, а мы буквально скатились на первый этаж. Каково было мое удивление, когда на пороге обнаружился живой и невредимый Ян, мявшийся под мрачным взглядом низкорослого, коренастого Кри с метелкой в руках.

– С тобой все в порядке! – радостно воскликнула я и, подскочив к стыдливо топтавшемуся помощнику, крепко обхватила его руками. – Куда ты делся из переулка?

– Я? – Он смущенно отодвинулся и пробормотал, несуровно указав пальцем себе за плечо: – Я... как бы... Ты знаешь, здесь так странно пахнет.

– Ты пришел в аптекарский двор, – многозначительно буркнул отец.

– Ты молодец, что вызвал постовых! – объявила я. – Они меня спасли!

Я хлопнула его по плечу и развернулась к отцу. Вместе с Кри они разглядывали моего помощника со столь скептиче-

ским видом, что становилось без слов ясно – симпатичный парень пришелся им не по вкусу.

– Папа, познакомься, это Ян!

– Здравсьте, – пробормотал тот, отвесив старшим уважительный поклон.

– Ты же говорила, что его сильно избили, – фыркнул родитель.

Гладкое лицо помощника с идеально ровной кожей действительно было чистым, без фингалов или кровоподтеков, хотя мне прекрасно помнилось, как один из нападавших отбросил бедолагу мощным ударом в челюсть.

– Ну, меня побили, – пробормотал Ян в свое оправдание и показал пальцем сначала на один бок, потом на другой: – Вот сюда ударили... и сюда.

Костяшки его руки оказались разбиты. Внимательный взгляд отца остановился на ранках с припекшейся корочкой.

– Живо на второй этаж, – велел он. – Ката тебе обработает руку.

Ян с изумлением глянул на разбитые костяшки, как будто прежде не замечал ранения, и уточнил, словно не верил собственным ушам:

– Обработать это?

– Могу еще ребра помазать снадобьем от синяков, – охотно предложила я, но заметила, как все трое мужчин заметно напряглись. – Да бросьте, он же снимет рубашку, а не штаны...

– Я его натру бодягой, – буркнул отец и, решительно переваливаясь в разношенных домашних туфлях, направился к лестнице на второй этаж. Смерив гостя выразительным взглядом, дядюшка Кри принялся снова мести пол, нарочито стараясь мазнуть метелкой по сапогам позднего гостя.

– П-п-послушайте, – воспротивился Ян, старательно отодвигаясь от хулиганского нападения настырной метлы. – Я сам... сам могу обтереться... подтереться... В смысле, натереться...

– Пойдем! – хлопнув приятеля по плечу, сверкнула я самой доброжелательной улыбкой, на какую оказалась способна. – У моего отца волшебные руки.

– Т-только очень большие... – пробормотал он.

Казалось, Ян искренне жалел, что без предупреждения зашел в дом не слишком гостеприимного травника.

Пока отец накрывал к ужину, я обрабатывала разбитую руку Яна. Заживляющая мазь сильно щипала, но парень даже не поморщился, словно умел не замечать боли. Он с опаской рассматривал более чем скромную обстановку гостиной, задержал взгляд на цветной гравюре, сделанной в день моего выпуска из лица. Семейная атмосфера нашего жилища явно приводила его в растерянность.

– Вы еще не закончили? – из кухни прикрикнул отец с нарочитым недовольством, и Ян попытался убрать обработанную руку. Видимо, мой родитель вызывал в робком парне

волну ужаса.

– Почти, – отозвалась я, сжимая его запястье, чтобы не думал дергаться, принялась за перевязку и пробормотала: – Не бойся. Он добрейшей души человек.

– Здравствуйте, – раздался красивый голос актрисы, выбравшейся из комнаты. Ян скользнул безразличным взглядом по высокой стройной фигуре в мешковатом платье, и мне пришла в голову забавная мысль, что на стенную ткань он смотрел с большим интересом, чем на известную театральную нимфу.

– Здравствуйте. – Он приподнялся с дивана и склонил голову, изображая вежливый поклон. – Вы сестра Катарины?

У Жулиты сделалось странное лицо, а я с трудом проглотила издевательский смешок. Видимо, в жизни актрисы впервые попадался симпатичный мужчина, не догадывавшийся, что она является восходящей театральной звездой. Впрочем, я тоже впервые встречала парня, не узнавшего признанную красавицу города, чьи портреты частенько мелькали на вывесках и плакатах известных торговых домов Гнездича.

– Анна, садитесь за стол, – позвал отец, прерывая возникшую конфузную паузу.

– Так *она* правда жива? – пробормотал Ян едва слышно.

– Ты ее все-таки узнал?

– Нет. Я ее впервые вижу, – признался помощник.

– Поздравляю. – Я ободряюще похлопала недотепу по

плечу и поднялась. – Позову дядюшку.

– Тебе, парень, особое приглашение надо? – услышала я недовольный голос отца, зазывавшего Яна к семейной трапезе. Подозреваю, что после подобного приглашения к столу у скромного гостя на неделю пропадет аппетит.

– Я? – действительно испугался тот.

– Хочешь умереть с голоду, пока мы ужинаем? – ругнулся родитель.

Кри уже и след простыл. Наверняка он слинял в питейную на пересечении Кривого переулка и центрального проспекта, пронзающего город от края до края. Мысленно я поблагодарила всех Святых Угодников, что дядюшка предпочел провести вечер с приятелями, ведь присутствие бывшего арестанта сделало бы неловкость, царившую за кухонным столом, совершенно невыносимой.

– Сколько тебе лет? – принялся допрашивать папаня Яна, словно тот пришел на смотрины к будущему тестю. Удивительно, но они оба будто забыли, что отец мучил моего сослуживца, а не кавалера, потому как тот мгновенно раскололся:

– Двадцать четыре.

Он определенно выглядел старше.

– Женат?

Ян замотал головой.

– Помолвлен?

– Ни в коем случае.

– Родители?

– Нет.

При этих словах я замерла с не донесенной до рта вилкой и с сочувствием в голосе спросила:

– Ты живешь один?

Ян согласно кивнул:

– С семнадцати лет. Но знаете, суним Войнич... – Он робко глянул на моего папаню. – Мой дом находится в районе Южных ворот. Ехать на другой конец Гнездица, а уже ночь на дворе...

Отец вскинул кустистые брови, намекая, что не понимает, к чему ведет неожиданный гость.

– У меня нет денег на наемный экипаж, а омнибусы уже не ходят. Да и ребра, знаете, побаливают...

Отчего-то в голове всплыла детская присказка про бедных родственников: «Добрые люди, дайте, пожалуйста, водички попить, а то так сильно есть хочется, что переночевать негде».

– Ты хочешь заночевать у нас? – предположила я.

– Могу спать на первом этаже, в аптекарской лавке.

– Поближе к хмельным настойкам? – заметил отец.

– Я ж не знаю, где они стоят, – испугался Ян.

У меня вырвался смешок, мгновенно растворившийся в гробовой тишине. Юмором отец обладал специфическим, не каждому понятным. Он хмуρο покосился на притихшего парня, потом глянул на Анну. Девушка согласно кивнула. Ви-

димом, мое мнение в расчет не бралось.

Справедливо говоря, они были правы, в нашем доме именно я являлась человеком-катастрофой, притаскивающей домой раненых собак, спасенных актеров и избитых помощников. У меня физически не повернулся бы язык, чтобы отказать несчастным в помощи.

– Ложись в гостиной, – смилостивился отец.

– Вы очень щедрый...

– Не благодари, – перебила я, с иронией покосившись на родителя, явно наступившего себе на горло, чтобы пустить под кров неженатого молодого мужчину. – Завтра утром ты сильно пожалеешь, что решился переночевать на нашем диване.

Этой ночью мне снилась утопленница. Опутанная сетью, она лежала в мокром белом платье, и на бледном запястье сверкал драгоценный браслет. Неожиданно убитая открыла глаза с крошечным сжатым зрачком и зашевелила разбитыми губами:

– Если бы ты не выпрыгнула из шкафа, то я была бы жива! Ты виновата в моей смерти!

В ужасе я села на кровати. Меня трясло то ли от пережитого во сне ужаса, то ли от холода, царившего в крошечной комнатушке. Стащив с топчана подушку, полусонная, я пошлепала в гостиную. На продавленном коротком диване рядом с камином мне никогда не снились кошмары.

Показалось, что на излюбленном месте кто-то лежал.

– Подвинься, – не открывая глаз, буркнула я и, не дожидаясь разрешения, забралась в узкую щелочку между спящим человеком и мягкой спинкой. Сосед моментально свалился с узкого дивана, словно издалека до меня донесся грохот упавшего тела.

– Нима, ты что делаешь? – возмутился обиженный голос.

– Засыпаю, – пробормотала я, едва шевеля языком.

– Но это мое место!

– Ложись рядом, теплее будет...

Меня уже окутывало новым добрым сном, а прилипала по-прежнему ворчал мне над ухом:

– У тебя отсутствует инстинкт самосохранения? Вообще не боишься?

– Ты лунатик, что ли?

– Это я-то лунатик?! – возмутился конкурент.

– Да спи уже... – окончательно вырубаясь, проямлила я.

А на следующее утро, когда в окна гостиной лил прозрачный свет, меня разбудил истошный вопль дядюшки Кри:

– Бо!! Они дрыхнут вдвоем в гостиной!

От неожиданности я резко села на диване, а сладко прижимавшийся к моей спине Ян с грохотом плюхнулся на пол и мгновенно проснулся. Мы так всполошились, будто действительно занимались чем-то предосудительным, хотя я даже не могла вспомнить, когда умудрилась перебраться из каморки для гостей в гостиную. Мы с Яном, одинаково смятенные, смотрели глаза в глаза. Он сидя на полу, я – на диване, об-

нимая притраченную во сне подушку.

Лунатизм меня мучил с детства, потому на всех окнах и дверях в нашем доме были прибиты щеколды. Иногда во сне мне удавалось спуститься в аптекарскую лавку, но там меня будил колокольчик. Один раз я до седых волос перепугала отцовского приятеля, оставшегося на постой и ночью залезшего в кухонный шкаф за крепкой хмельной настойкой. Он потом еще три недели заикался и поклялся перед Святыми Угодниками, что бросит выпивать. Однако в столь глупую ситуацию я попадала впервые.

Вряд ли Ян поверил бы, что, говоря об утренних сожалениях, я намекала на боль в пояснице из-за продавленных диванных подушек, а не на совместное пробуждение под очумелый крик бывшего арестанта.

Погода стояла паршивая. Облака над Гнездичем плотной завесой скрыли небосвод, дымкой окутали длинные шпили городских башен. Дождь насквозь промочил город, просочился в щели домов, насытил подземные источники. В воздухе, тяжелом и холодном, летала влажная пудра.

Ветер трепал желтоватую газетную простыню «Уличных хроник», и в отличие от «Вестей Гнездича», висевших по соседству и красовавшихся гравюрами самой знаменитой утопленницы города, центральная колонка рассказывала о театральной премьере.

– Точно пошлет куда-нибудь... в оранжерею, – вздохнула я.

– Почему никто туда не хочет ехать? – удивился Ян.

– Потому что колонка про тюльпаны – это дно. Ниже пасть просто невозможно.

– На мой взгляд, лучше в оранжерею к цветам, чем в анатомический театр к утопленнице, от которой мучают кошмары и тянет прятаться в объятиях совершенно незнакомого парня, – вымолвил Ян у меня над макушкой.

Задохнувшись от возмущения, я обернулась к помощнику. Он стоял в расслабленной позе, сунув руки в карманы, и без особого интереса рассматривал гравюры убитой девушки.

– Я же сказала, что не хотела тебя конфузить, просто... – Я махнула рукой. – Просто не могу контролировать себя во сне.

– Я слышал. – Ян даже не потрудился опустить ко мне головы.

У меня вдруг возникло ощущение, что в нем одновременно уживались два совершенно непохожих друг на друга человека: трусоватый недотепа, купивший место в газетном листе, и холодный циник, не знающий, кто такая актриска Жулита.

– Почему вы так на меня смотрите? – наткнулся он на сердитый взгляд.

– Да так.

– Почему мне кажется, что вы надо мной смеетесь? – возмутился Ян мне в спину, когда я заторопилась пересечь ули-

цу перед приближавшимся экипажем.

Из-за стылой сырости шеф потерял голос. С компрессом вокруг шеи, зеленый лицом, он сидел за заваленным бумагами столом и взирал на конторских служащих с отчаянным раздражением.

– Доброе утро, шеф! – громко поздоровалась я, и в конторе, без преувеличений, стало очень тихо. Редактор позеленел еще сильнее, попытался что-то прохрипеть.

– На нас вчера напали, – тут же заявила я, – разбили оттиски и гравират, поэтому утопленницы нет, но есть живая и здоровая Жулита, готовая дать нам интервью.

Шеф сморщился, как печеное яблоко, и на какой-то момент почудилось, что он собирается заплакать.

– Она правда... – Ян примолк, напоровшись на злобный взгляд редактора, и вытянулся в струнку, как новобранец на стражей площади: – Простите, шеф.

Тот что-то прошипел и с мученическим видом схватился за большое горло.

– Я немножко не разобрала...

– В оранжерею!! – страшно захрипел он и, закашлявшись, схватился за графин с водой. Становилось ясно, что нам с помощником было безопаснее уехать к пальмам и розам, иначе нас обоих выставят из «Уличных хроник», несмотря на все бывшие заслуги и нового клиента с объявлениями.

Запив кашель, шеф сунул мне в руки карточку с приглашением на открытие нового зала.

– А гравират дадите? – тут же уточнила я, намекая, что конторскому имуществу действительно пришел окончательный и бесповоротный конец.

– И пластины, – добавил Ян.

Королевские оранжереи находились за городской стеной, и нам предстояло целый час трястись в междугороднем омнибусе по разбитой дороге, из-за дождя наверняка превратившейся в непролазную кашу.

– И конторскую двуколку⁹, – потребовала я и, получив в ответ характерное возмущенное мычание, отступила: – Тогда медяки на билеты в омнибус.

Не имея возможности заорать в голос, шеф выпучил глаза и приподнялся из-за стола. Удивительно, как у него не случилось нервного припадка.

Он что-то промычал, рухнул обратно на стул и чиркнул вензель на бумажке, подтверждавший, что мы имеем право забрать у прижимистого ключника последний конторский гравират и целый пенал чистеньких пластин.

Трясаясь в битком набитой карете, я чувствовала себя на редкость избалованной городской фифой, привыкшей к наемным экипажам. По плохой погоде окна завесили непроницаемыми кожаными шторками. Под крышей, точно маятник, качался магический светильник, отчего казалось, будто нас закрыли в тесном корабельном трюме. Только духота пахла

⁹ Двуколка – одноконная, одноосная двухколесная рессорная повозка с кузовом для двух человек.

не рыбной влажностью, а взопревшими телами.

В конце концов я сомлела, и когда сидевший билетер выкрикнул в отодвинутую заслонку на окне, что омнибус добрался до оранжерей, то обнаружила, что с открытым ртом сплю на плече Яна.

– Извини, – смущенно пробормотала я, вытерев ладонью рот.

– Ничего, – бледненько отозвался он. – На меня впервые пускали слюни.

– Я не пускала слюни!

– И еще прихрюкивала, – улыбнулась старушка, божий одуванчик, с соседнего сиденья, доведя меня до высшей формы конфуза.

Оранжереи представляли собой стеклянные постройки, соединенные переходами. В царстве вечного лета сладко пахло зеленыю. В фонтанчиках, спрятанных между растениями, журчала и переливалась блестками подкрашенная особой магией вода.

Перед входом в новый зал со сферическим куполом набилась толпа газетчиков. Проход был перекрыт красной ленточкой, и среди прочих важных господ, приглашенных на открытие, дожидался начала церемонии Чеслав Конопка с семьей, красиво одетой женой и двумя мальчишками в коротеньких штанишках. Поодаль от него, заложив руки за спину, точно изваяние, изучал пространство зала главарь шайки, напавшей на нас накануне вечером в подворотне рядом

с конторой.

– Ян... – подергала я за рукав помощника, расчехлившего новенький гравират с ярко-синей гармошкой мехов и полированной крышкой, и кивнула в сторону вчерашнего Злого Арлекина: – Смотри. Вчера на нас напала охрана Чеслава Конопки.

Быстрым взглядом я выхватила из толпы фигуры вчерашних разбойников и, понимая, что сама себя привела в логово зверя, пробормотала:

– Нам надо уезжать. Шефу скажем, что карета застряла на полпути и мы не добрались...

И вдруг кто-то с силой сжал мой локоть. Проклятье, нас заметили! От испуга во рту пересохло и вспотели ладони.

Ледяной голос процедил в ухо:

– Без лишнего шума иди со мной, иначе мы сломаем твоему помощнику пару ребер.

Я быстро глянула на Яна. Он низко опустил голову, словно ужасно трусил смотреть на свирепого противника... или прятал лицо?

Нас привели в подсобное помещение с земляным полом и с длинными рабочими столами, занятыми деревянными ящиками с рассадой. На грубо сколоченных полках теснились глиняные горшки с цветами, стояла нагруженная с горкой тележка с известью, похожей на ржаную муку. Жестяные ведра с мочевиной прятались у стены, хотя удобрение накрывали крышками, в воздухе витал характерный для от-

хожего места ядреный запах.

Головорезы встали на входе, на тот случай, если мы попытаемся сбежать. Через некоторое время до нас донеслись звуки приглушенных разговоров, а потом Злой Арлекин со шрамом в пол-лица открыл дверь и с подобострастным видом пропустил в подсобное помещение королевского посла собственной персоной.

– Это она? – уточнил вельможа, смерив меня острым взглядом.

– Да, суним королевский посол, – раболепно поклонился шеф охраны.

– Где я тебя уже мог видеть? – тихо спросил он.

Пауза затягивалась. Чеслав изогнул брови, и стало ясно, что он действительно ждет ответа. Меня трясло от страха.

– Отвечай! – прикрикнули на меня, и Ян испуганно вздрогнул.

Собрав в кулак волю, я нацепила на лицо нахальную улыбку и представилась:

– Катарина Войнич, газетный лист «Уличные хроники»...

В ледяных глазах королевского посла мелькнуло узнавание, и у меня пропал дар речи. Он медленно приблизился, отчего я невольно попятилась. Мы смотрели глаза в глаза, когда он резко протянул руку и больно сжал подбородок ледяными влажными пальцами.

– Значит, я прав? Две прошмандовки договорились меня потопить? Одна соблазняла, другая делала оттиски. – Чеслав

Конопка явно считал себя самым умным. – Где эта дрянь?

Невольно я вцепилась в его запястье, стараясь ослабить железную хватку.

– Почему ты молчишь? – склонившись, прошипел он мне в лицо, обдав несвежим дыханием.

– Руки... – Я задыхалась от страха. – Уберите.

Губы противника растянулись в изумленной улыбке, а потом он громко расхохотался. Охранники, как последние олухи, поддержали хозяина, зайдясь фальшивым невеселым смехом, мгновенно стихшим, как только Чеслав посерьезнел.

– Что ты сказала? – Его взгляд пронзал насквозь.

В следующий момент он размахнулся для оплеухи. Хватаясь за его запястье, я вжала голову в плечи, но раздался громкий хруст, и волшебным образом полка на стене развалилась на части. Сверху посыпались цветочные горшки.

Прежде чем к ошеломленному послу подскочили прислужники, я с силой толкнула его в мягкий живот. Он пошатнулся, не удержал равновесия и упал на руки к главе шайки. Едва он отступил, как на земляной пол сверху хлюпнулся горшок с растением. Глиняные бока лопнули, и посыпалась земля.

Вдруг Ян навалился на меня всем весом и сбил с ног. Мне чудом удалось не тюкнуться лбом об острый угол столешницы, засыпанной перегноем и глиняными черепками. Стоило нам оказаться под ногами посольской охраны, как через

секунду в воздух взлетело удушающее облако известковой пыли, словно кто-то невидимый схватил лопату и подбросил порошок к потолку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.